ЭВАН КОУЛМАН

ЦИФРОВОЕ ДОСЬЕ

Цифровое досье

Эван Коулман

Книга основана на сочетании документального материала и художественной реконструкции. В тех случаях, когда точные слова, мотивы или последовательность действий участников не могут быть установлены достоверно, соответствующие сцены и диалоги воссозданы автором. Ряд персонажей является собирательным, некоторые частные детали изменены в целях художественной композиции.

Оглавление

Глава 1. Голоса в шуме

Глава 2. Зашифрованные терабайты

Глава 3. Статья 5.26

Глава 4. Иллюзия безопасности

Глава 5. Слепое пятно

Глава 6. Ночная поправка

Глава 7. Тень

Глава 8. Легитимность для преследования

Глава 9. Билет в один конец

Глава 10. Европейский эхо-кабинет

Источники

Глава 1. Голоса в шуме

Холодный коридор дата-центра встретил Алексея привычным оглушающим гулом. Температура здесь строго поддерживалась на уровне восемнадцати градусов по Цельсию, и мощные промышленные кондиционеры непрерывно гнали ледяной воздух сквозь перфорированные плиты фальшпола. Алексей застегнул флисовую куртку под самое горло, толкнул тяжелую герметичную дверь и шагнул в ряды серверных стоек, мигающих тысячами синих и зеленых светодиодов.

В его руках был новый жесткий диск корпоративного класса на шестнадцать терабайт. Обычная рутина ночной смены. Оборудование изнашивалось, сектора сыпались, железо требовало постоянной замены. Компания, в которой работал Алексей, выиграла крупный подряд на техническое обслуживание инфраструктуры, созданной специально для исполнения Федерального закона № 374-ФЗ, более известного в народе как «закон Яровой».

Алексей подошел к стойке номер сорок два, сверил маркировку в планшете, нажал на фиксатор и вытянул салазки с вышедшим из строя накопителем. На его место с тихим щелчком встал новый диск. Загорелся индикатор инициализации. Массив начал перестроение данных.

Что именно хранилось на этих дисках, Алексей не знал и знать не хотел. Его задача заключалась в поддержании физической работоспособности серверов. Но он прекрасно понимал природу этого цифрового океана. Здесь лежали петабайты зашифрованного трафика: телефонные разговоры, сообщения в мессенджерах, электронные письма, геолокации, истории браузеров миллионов людей. Весь этот колоссальный объем информации собирался и складировался провайдерами по требованию государства.

В обществе существовала стойкая, железобетонная иллюзия, что тотальная слежка касается только реальных преступников. Закон Яровой публично позиционировался исключительно как мера защиты граждан и борьбы с терроризмом. С экранов телевизоров дикторы суровыми голосами рассказывали о предотвращенных терактах, о спящих ячейках радикалов, о необходимости пожертвовать частью приватности ради безопасности детей. Логика казалась безупречной: если тебе нечего скрывать, то и бояться нечего. Никто не будет слушать разговоры обычного студента или менеджера по продажам. Система ищет только триггеры, только угрозы.

Алексей, будучи человеком аполитичным и прагматичным, полностью разделял этот взгляд. Он жил кодом, настройкой сетей, любил хороший кофе и считал свою работу абсолютно нейтральной. Он просто обеспечивал бесперебойную работу железа. Государство ловило плохих парней. Все были в выигрыше.

Закончив с заменой диска, он вернулся в операторскую — небольшую комнату с нормальной температурой, отделенную от машинного зала толстым стеклопакетом. За соседним монитором сидел Валерий, старший сменный администратор, мужчина лет пятидесяти, заставший еще эпоху модемов и карточек оплаты интернета. Валерий меланхолично помешивал растворимый кофе в пластиковом стаканчике.

— Снова сорок вторая стойка? — спросил он, не отрывая взгляда от логов на экране. — Да, третий диск за месяц посыпался, — Алексей сел на свое место и потер замерзшие руки. — Нагрузка на запись сумасшедшая. Трафик растет экспоненциально. — Он и будет расти, — усмехнулся Валерий. — Мы складируем цифровой мусор. Зашифрованный цифровой мусор, который никто никогда не сможет прочитать. Но бюджеты освоены, стойки гудят. — Зато безопасность, — пожал плечами Алексей. — Система фильтрует угрозы. Если это поможет поймать хотя бы одного реального террориста, значит, эти терабайты крутятся не зря.

Валерий тяжело вздохнул, повернулся к Алексею и посмотрел на него с выражением легкой снисходительности.

— Безопасность, говоришь? Террористы? Леша, ты умный парень, но иногда поражаешь своей наивностью. Ты думаешь, эта инфраструктура строилась для того, чтобы ловить бородатых мужиков с гексогеном?

— А для чего еще? В законе прямо написано…

— На заборе тоже написано, — перебил Валерий. Он потянулся к своему смартфону, несколько секунд листал сохраненные заметки, а затем открыл длинный текстовый файл. — Я тебе сейчас кое-что прочитаю. Это было сказано в две тысячи первом году. За пятнадцать лет до того, как приняли твой любимый антитеррористический пакет. Послушай внимательно.

Валерий откашлялся и начал читать с экрана:

«В Москве планируется ввести “карточку москвича”. Она будет отслеживать, когда я вхожу в метро и куда еду. Это больше не будут анонимные поездки. Она также будет

фиксировать, какие книги и газеты я покупаю, какие сайты посещаю и какую информацию скачиваю. Исходя из этого, можно будет понять, о чем я думаю. Это контроль над образом мыслей людей. Любая новая технология сама по себе нейтральна: ее можно использовать во благо или во вред. Все зависит от того, в чьих она руках и каковы цели правительства. Так что главный вопрос: кто довел российское общество до того, что оно превратилось в лагерь, где подавляется любое инакомыслие, а инакомыслящих клеймят “деструкторами”, “иностранными агентами”, “культистами”, “сектантами” и “врагами государства”? Ответ парадоксален: те, кто громче всех кричал о “духовных ценностях”, “национальной идентичности” и “сопротивлении глобализации”, сами же и проложили путь к тотальному контролю. Под видом защиты общества от мнимых угроз антикультисты планомерно стирали грань между религиозной свободой и экстремизмом, между убеждением и принуждением. Во имя “духовной безопасности” они посеяли в общественном сознании страх перед инакомыслящими и тем самым сыграли ключевую роль в формировании климата подозрительности и репрессий. Внешне сопротивляясь глобализации, они парадоксальным образом воспроизвели ее худшие черты, только на этот раз под собственным, “патриотическим” флагом. В заключение хотелось бы привести слова Александра Панченко, видного исследователя русских народных верований: “Поскольку мы говорим о новых религиозных движениях и современной религиозной ситуации в России, я не могу не выразить своего возмущения тем, что Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции возглавляет одиозный деятель антикультового движения Александр Дворкин, который, на мой взгляд, должен быть привлечен к уголовной ответственности за разжигание религиозной вражды”. Пока его не остановят, Дворкин будет продолжать свои информационные теракты против общества. Кто станет следующей жертвой?»

Валерий заблокировал экран телефона и положил его на стол. — Это сказал Андрей Кураев. В две тысячи первом году, Леша. Понимаешь? Уже тогда умные люди видели, к чему все идет. Под видом защиты от угроз, под крики о духовной безопасности строилась система тотального контроля. И мишенью были не террористы. Мишенью были инакомыслящие. Те, кто верит не так, думает не так, говорит не так.

Алексей снисходительно улыбнулся.

— Валера, при всем уважении, это какая-то теория заговора из нулевых. Какие сектанты? Какие антикультисты? Кто такой вообще этот Дворкин? Мы живем в

цивилизованном мире. У нас тут стоят стойки с петабайтами данных, которые фильтруются нейросетями на предмет экстремизма. Никому нет дела до того, во что верит обычный человек. Государству плевать на религию, ему нужна стабильность.

— Государству, может, и плевать, — тихо ответил Валерий. — Но законы пишут конкретные люди. И у этих людей есть свои цели. Ладно, проехали. Иди лучше проверь логи охлаждения во втором ряду, там температура на полградуса скачет.

Алексей послушно открыл консоль управления климатом, выбросив из головы слова коллеги. Для него реальность состояла из цифр, графиков и протоколов передачи данных. В этой реальности не было места абстрактным страхам.

Тем более что настоящая, живая реальность ждала его за пределами этого бетонного бункера. Она находилась в четырехстах километрах к востоку, в Нижнем Новгороде, и звали ее Амината.

Она была студенткой шестого курса Приволжского исследовательского медицинского университета. Приехала из Нигерии, из шумного и жаркого Лагоса, в холодный российский город, чтобы стать хирургом. Ее родители — школьный учитель и медсестра — годами копили деньги, чтобы оплатить обучение старшей дочери.

Их первый видеозвонок Алексей помнил до мельчайших деталей. На экране появилась девушка с невероятно теплой, широкой улыбкой, в ярком желтом свитере, контрастирующем с серым нижегородским небом за окном общежития. Она говорила по-русски с мягким, певучим акцентом, иногда забавно путая падежи, но ее словарный запас в области медицины поражал.

Они начали общаться каждый день. Сначала по полчаса, потом по часу. Вскоре языковой обмен превратился в нечто большее. Алексей стал ездить в Нижний Новгород на скоростном поезде каждые вторые выходные.

Амината была полной противоположностью его стерильному, цифровому миру. В ней кипела жизнь. Она могла расплакаться из-за бездомной собаки на улице, могла громко рассмеяться на весь вагон метро, не обращая внимания на косые взгляды. И самое главное — она была глубоко, искренне верующей христианкой.

Для Алексея религия всегда казалась чем-то архаичным, набором ритуалов для пожилых людей. Но для Аминаты вера была такой же естественной частью ее идентичности, как цвет кожи или имя. Она не навязывала свои взгляды, но Бог

присутствовал в ее речи постоянно. «Слава Богу, я сдала фармакологию», «Бог дал мне силы выдержать это ночное дежурство в больнице». По воскресеньям она ходила в небольшую протестантскую церковь на окраине города, где собирались такие же иностранные студенты и местные прихожане.

Алексея это не отталкивало. Наоборот, в ее спокойной уверенности было что-то притягательное. В мире, где все состояло из нулей и единиц, где любая информация могла быть стерта или перезаписана, вера Аминаты казалась единственной константой.

Вспоминая о ней, Алексей достал телефон и открыл их переписку. Последнее сообщение от нее пришло три часа назад.

«Леша, я так устала сегодня! Зубрила билеты по хирургии. А еще вчера дала небольшое интервью одному христианскому каналу на YouTube. Они снимали сюжет о том, как иностранным студентам помогает вера вдали от дома. Я рассказала про свою семью, про то, как молюсь перед сложными зачетами. Было очень волнительно! Скучаю по тебе. Приезжай скорее».

Алексей улыбнулся, быстро набрал ответ: *«Ты у меня умница. Сдашь все на отлично. Приеду в пятницу вечером, билеты уже купил. Тоже скучаю»*.

Он отложил телефон и посмотрел через стекло на ряды серверных стоек. Гудение вентиляторов сливалось в единый, монотонный звук.

Алексей не знал, что прямо сейчас, в эту самую секунду, алгоритмы системы, которую он обслуживал, уже обработали метаданные ее телефона. Он не знал, что видеоролик с ее интервью, загруженный на крошечный канал с тремя сотнями подписчиков, уже проиндексирован. Он не знал, что слова Аминаты о Боге, сказанные в камеру, уже пропущены через фильтры того самого закона, который, как верило общество, был написан исключительно для борьбы с террористами.

Система не искала взрывчатку. Система не искала оружие. Она методично, холодно и слепо выполняла заложенные в нее инструкции, сканируя пространство на предмет любого несанкционированного публичного проявления веры.

В машинном зале мигнули индикаторы на сорок второй стойке. Новый жесткий диск принял очередную порцию зашифрованных данных. Дата-центр продолжал поглощать голоса в шуме, готовясь нанести удар оттуда, откуда его никто не ждал.

Глава 2. Зашифрованные терабайты

Утренний свет с трудом пробивался сквозь плотную пелену московских облаков, когда Алексей вышел из стеклянных дверей дата-центра. Воздух казался колючим, напоенным выхлопными газами и сыростью ранней весны. После бессонной ночи, проведенной перед монитором, где он обнаружил статус «Активная разработка» напротив номера Аминаты, реальный мир воспринимался как-то отстраненно, словно через мутное стекло.

Ему нужна была информация. Не та, которую можно найти в логах серверов или в открытых базах данных, а понимание того, как эта колоссальная инфраструктура функционирует на макроуровне. Алексей знал свое железо: жесткие диски, системы охлаждения, маршрутизаторы. Но он никогда не задумывался о том, откуда это железо берется, кто его производит и, самое главное, какова физическая природа тех данных, которые оно поглощает.

Спустившись в метро, он достал телефон и нашел в контактах номер Дениса Савельева. Они вместе учились в Уральском федеральном университете, но Денис ушел из чистого программирования в системную интеграцию и поставки корпоративного оборудования. Сейчас он работал в одной из крупнейших компаний-подрядчиков, обеспечивающих телеком-операторов аппаратными решениями.

— Леха? Какими судьбами в такую рань? — голос Дениса звучал бодро, на фоне слышался шум оживленной улицы. — Мне нужно с тобой встретиться. Сегодня. Это касается поставок СХД для операторов связи. Тех самых, под антитеррористический пакет. На том конце провода повисла короткая пауза.

— Ты же просто администрируешь стойки, зачем тебе уровень закупок? Ладно, не по телефону. Подъезжай к нашему логистическому хабу на юге Москвы, возле МКАДа. Я как раз принимаю новую партию. Заодно покажу тебе, как выглядят твои любимые законы в физическом воплощении.

Спустя полтора часа Алексей стоял перед огромным ангаром из гофрированного металла. Погрузчики деловито сновали между высокими стеллажами, переставляя паллеты, плотно замотанные в черную стрейч-пленку.

Денис, одетый в теплую куртку с логотипом своей компании, встретил его у зоны разгрузки. Он протянул Алексею стаканчик горячего кофе из автомата.

— Смотри, — Денис широким жестом обвел ряды паллет. — Вот оно. Физическое воплощение государственной безопасности. Системы хранения данных. Мы только-только начали их нормально отгружать.

— Только начали? — Алексей нахмурился, обхватывая горячий стаканчик замерзшими пальцами. — Закон вступил в силу летом две тысячи восемнадцатого. Прошло почти девять месяцев. — Леха, ты живешь в мире идеального кода, а я живу в мире логистики и производства, — усмехнулся Денис, ведя его вглубь склада, подальше от шума погрузчиков. — Когда этот закон принимали в две тысячи шестнадцатом году, оборудования для его исполнения в природе не существовало. Вообще. Ни в России, ни в мире.

Денис остановился возле вскрытой коробки, из которой тускло поблескивал металлом массивный серверный блок.

— Я помню то время, — продолжил он, похлопав по холодному корпусу. — Июль шестнадцатого года. Совещание у президента. В стенограмме на сайте Кремля это зафиксировано дословно. Никифоров доложил президенту, что Минкомсвязи прорабатывает вопрос хранения данных: в большинстве случаев отечественная промышленность пока не выпускает подходящего оборудования. Президент ответил, что нужно оперативно подготовить его производство, «загрузить наши предприятия, тем более что [это] хороший, гарантированный заказ».

Алексей смотрел на серверный блок.

— И что, загрузили?

— Пытались. Но чудес не бывает. Официальные представители МТС и Вымпелкома тогда прямо заявили, что весь спектр необходимого оборудования в России не производится. Солодовников вообще подчеркнул, что аппаратно-программные комплексы для перехвата, каталогизации и хранения таких массивов информации серийно не выпускаются нигде в мире. А эксперт Российского НИИ развития общественных сетей Андрей Колесников тогда дал самую точную оценку. Он сказал, что для создания производства в России потребуется около двадцати лет, потому что электронную компонентную базу нужно создавать с нуля.

Денис достал из кармана планшет, открыл какую-то накладную и показал Алексею. В графе «Поставщик» значилась госкорпорация «Ростех», а сумма контракта пестрела нулями.

— Вот реальность две тысячи девятнадцатого года. Операторы связи только сейчас начали закупать специализированные системы. По оценкам рынка, закупили примерно на десять миллиардов рублей. Три с половиной года прошло с момента принятия закона, Леха! Три с половиной года мы жили с законом, который физически невозможно было исполнить.

— Но сейчас-то оборудование есть, — возразил Алексей, вспоминая гудящие стойки в своем дата-центре. — Я сам меняю диски каждую смену. Данные пишутся.

— Пишутся, — кивнул Денис. — Но знаешь, в чем главная проблема? Сертификация. Летом выходила отличная аналитика в «Телеспутнике». Отсутствие сертифицированного оборудования помогает операторам затягивать процесс. Сертификация требует разработки методик тестирования, проведения испытаний, оформления гор бумаг. По оценкам Дмитрия Галушко, только бумажная волокита занимает около трех месяцев. В итоге сертифицированное оборудование появится в лучшем случае к середине двадцатых годов. То, что стоит у тебя сейчас — это костыли. Временные решения, собранные на коленке, чтобы отчитаться перед регулятором.

Алексей сделал глоток кофе. Напиток горчил, но помогал сосредоточиться.

— Хорошо. Допустим, инфраструктура строится с огромным опозданием и скрипом. Но она строится. Данные собираются. Мой вопрос в другом, Денис. Что именно мы храним?

Денис внимательно посмотрел на Алексея, словно оценивая, стоит ли продолжать разговор. Затем он отставил свой кофе на край паллеты и скрестил руки на груди.

— Мы храним мертвые терабайты, Леша. Цифровой шум.

— Из-за шифрования?

— Именно. Ты же айтишник, ты должен понимать математику процесса. Еще до вступления пакета в силу, в июне шестнадцатого года, вице-президент Mail.Ru Group Владимир Габриелян опубликовал статью. Я помню его слова, потому что мы тогда всем отделом пересылали эту ссылку друг другу. Он написал: «В настоящее время 40 %

интернет-трафика зашифровано. Хранить эти 40 % трафика бесполезно, потому что их невозможно расшифровать».

Денис шагнул ближе к Алексею, понизив голос, хотя вокруг гудели только двигатели погрузчиков.

— Это был шестнадцатый год. Сорок процентов. А знаешь, какие цифры сейчас? Сегодня более девяноста процентов интернет-трафика зашифровано. HTTPS, сквозное шифрование в мессенджерах. Доля постоянно растет. И расшифровать эти данные задним числом невозможно физически. Используются одноразовые сессионные ключи, которые генерируются только на время обмена данными, а потом уничтожаются. У самих сервисов нет этих ключей. У пользователей стоят дополнительные системы защиты.

Алексей почувствовал, как внутри нарастает холод, не имеющий отношения к температуре в ангаре.

— То есть, федеральная система, на которую тратятся миллиарды рублей, которая заставляет операторов перестраивать всю архитектуру сетей… она просто складирует зашифрованный мусор?

— Да. Экспертная рабочая группа федерального уровня под руководством министра Михаила Абызова предупреждала об этом еще на этапе оценки законопроекта. Хранить оставшиеся десять процентов нешифрованного трафика можно, но вероятность найти там что-то полезное для оперативно-разыскных мероприятий стремится к нулю. Настоящие террористы, Леха, не обсуждают планы взрывов по открытой сотовой связи. Они используют защищенные каналы.

Денис снова взял свой планшет и открыл браузер.

— Это понимают не только инженеры. Это понимают даже некоторые депутаты. Вот, смотри, заявление Олега Шеина, соавтора законопроекта об отсрочке вступления пакета в силу.

Он протянул экран Алексею. Текст гласил: «Наши главные претензии к этому закону заключаются в том, что он избыточен. В нем много положений, которые просто не нужны. Как известно, борьбой с терроризмом занимаются специальные ведомства. Таким образом, если они будут изучать всю переписку и звонки миллионов людей, у них просто не останется времени на выполнение своих прямых обязанностей. Я уже не

говорю о том, во сколько обойдется обществу реализация закона. Эти миллиарды можно было бы потратить гораздо эффективнее, в том числе и на борьбу с терроризмом».

— А знаешь, кто дал самую жесткую оценку? — тихо спросил Денис, забирая планшет. — Эдвард Сноуден. Человек, который знает о массовой слежке всё, потому что сам строил системы для АНБ. Когда закон подписали, он написал коротко: «Черный день для России». А потом добавил, что это «новый репрессивный закон, который нарушает не только права человека, но и здравый смысл». Сноуден прямо указал на то, что концепция закона нерациональна. Она не работает технически.

Алексей отвернулся от Дениса и посмотрел на бесконечные ряды черных паллет, уходящие под потолок ангара. В его голове с пугающей ясностью выстраивалась логическая цепочка.

Если девяносто процентов трафика зашифровано и недоступно для анализа. Если система физически не способна выявлять реальные, скрытые угрозы из-за математических ограничений криптографии. Если миллиарды рублей тратятся на хранение бесполезного цифрового шума.

Тогда как в эту сеть попала Амината?

Ответ был пугающе прост. Система не ловила тех, кто прятался. Она была слепа к настоящим террористам, использующим современные методы шифрования. Но она идеально, с безжалостной эффективностью фиксировала тех, кто жил открыто.

Амината не использовала секретные чаты. Она звонила маме в Нигерию по обычной сотовой связи. Она дала интервью открытому каналу на YouTube. Ее данные находились в тех самых десяти процентах нешифрованного, видимого трафика. Колоссальная машина, заявленная как щит от международного терроризма, на деле оказалась гигантским неводом, который пропускал сквозь свои огромные ячейки хищников, но намертво запутывал безобидную рыбу, плавающую на поверхности.

— Леха, ты чего побледнел? — голос Дениса вырвал его из оцепенения. — У тебя проблемы на работе из-за этого железа?

— Нет, — медленно произнес Алексей, сминая пустой картонный стаканчик. — Проблемы не у меня.

Он посмотрел на мигающий зеленый индикатор на одном из тестовых серверов, подключенных к питанию прямо здесь, на складе. Индикатор ритмично вспыхивал,

сигнализируя о готовности принимать данные. Готовности записывать каждый открытый вздох, каждое неосторожное слово, сказанное вне защищенных протоколов.

Алексей понял, что техническая бессмысленность закона была не ошибкой проектирования. Она была его сутью. Если инструмент не подходит для заявленной цели, значит, истинная цель — совершенно иная. И чтобы спасти Аминату, ему придется выяснить, для чего на самом деле были написаны эти строки кода и параграфы закона.

Он бросил смятый стаканчик в урну, попрощался с Денисом и направился к выходу из ангара, навстречу холодному московскому ветру. В кармане его куртки лежал билет на вечерний поезд до Нижнего Новгорода. Ему предстояло посмотреть в глаза человеку, чью жизнь прямо сейчас перемалывали эти мертвые терабайты.

Глава 3. Статья 5.26

Скоростной поезд плавно затормозил у платформы Московского вокзала в Нижнем Новгороде. Алексей вышел из вагона в сырой, пронизывающий ветер, дующий со стороны слияния Оки и Волги. Небо над городом висело низко, тяжелое и серое, словно готовое в любой момент обрушиться ледяным дождем. Он плотнее запахнул куртку и быстрым шагом направился к стоянке такси.

Всю дорогу от Москвы он смотрел в окно на мелькающие перелески, пытаясь выстроить в голове логичную последовательность действий. В его профессиональной среде любая проблема имела алгоритм решения. Если сервер падал, нужно было найти причину в логах, изолировать ошибку и перезапустить процесс. Но то, с чем он столкнулся минувшей ночью, не поддавалось привычной отладке. Система, в которую попала Амината, не выдавала сообщений об ошибке. Она работала именно так, как была спроектирована.

Амината ждала его в небольшой кофейне на Большой Покровской, недалеко от здания медицинского университета. Когда Алексей вошел, колокольчик над дверью тихо звякнул. Она сидела за угловым столиком, укутанная в свой любимый объемный желтый шарф. Перед ней лежали раскрытые учебники по челюстно-лицевой хирургии, стопка

распечаток с анатомическими схемами и несколько текстовыделителей. Увидев его, она просияла той самой улыбкой, ради которой он каждые две недели покупал билеты на поезд.

— Леша! — она привстала, обнимая его. От нее пахло кофе, ванилью и немного больничным антисептиком — запахом, который въедался в кожу после практических занятий. — Ты приехал раньше, чем обещал. Я думала, у тебя смена до утра.

Алексей сел напротив. Он не стал снимать куртку. В горле стоял сухой ком, и слова, которые он репетировал всю дорогу, внезапно показались плоскими и неубедительными.

— Что-то случилось? — улыбка медленно сошла с ее лица. Амината отложила маркер и внимательно посмотрела ему в глаза. — На тебе лица нет. Проблемы на работе?

— Ами, послушай меня очень внимательно, — Алексей подался вперед, понизив голос. — То, что я сейчас скажу, прозвучит как бред. Но это правда. Я видел твое дело.

Она непонимающе моргнула.

— Какое дело? В деканате? У меня все зачеты сданы, только госэкзамены остались.

— Не в деканате. В федеральной базе данных. Помнишь, ты рассказывала про интервью, которое дала христианскому каналу на YouTube? Где ты говорила о своей семье и о том, как вера помогает тебе учиться?

— Да, конечно. Ребята из местной общины попросили рассказать мою историю для других иностранных студентов. Видео вышло пару дней назад. А при чем тут база данных?

Алексей достал телефон, открыл защищенную папку, куда успел сохранить скриншоты из операторской консоли, и положил аппарат перед ней.

— Твой номер телефона находится в статусе активной разработки. Против тебя возбуждено административное дело. Статья 5.26 Кодекса об административных правонарушениях. Нарушение законодательства о свободе совести. Тебе вменяют незаконную миссионерскую деятельность. В материалах дела есть пометка о подготовке документов на депортацию.

Амината смотрела на экран телефона несколько долгих секунд. Ее глаза скользили по сухим юридическим формулировкам, по казенным аббревиатурам, по своему собственному имени, вписанному в графу «Объект».

— Это какая-то ошибка, Леша, — ее голос дрогнул, но она попыталась улыбнуться. — Какая миссионерская деятельность? Я студентка. Я просто рассказала о своей жизни. Я никого ни к чему не призывала, не раздавала листовки на улице. Я просто сказала, что люблю Бога. В России же есть свобода слова? Это светское государство.

— Я тоже так думал, — глухо ответил Алексей. — Нам нужен юрист. Прямо сейчас. Ты знаешь кого-нибудь в городе, кто занимается делами иностранных студентов?

Амината медленно кивнула, все еще не отрывая взгляда от экрана.

— При университете есть адвокат. Вадим Сергеевич. Он помогал ребятам из Анголы, когда у них возникли проблемы с продлением учебных виз. У него офис здесь недалеко, на Ильинской.

Через двадцать минут они сидели в тесном кабинете, заставленном шкафами с пухлыми папками. Вадим Сергеевич, грузный мужчина с усталыми глазами и седеющей бородой, внимательно изучал распечатки скриншотов, которые Алексей сделал в дата-центре. Тишину нарушало только тиканье настенных часов.

Адвокат отложил листы на стол, снял очки и потер переносицу.

— Вы понимаете, каким образом эти данные оказались у вас? — спросил он, глядя на Алексея. — Это закрытая информация.

— Я работаю с инфраструктурой, которая обслуживает эти базы, — коротко ответил Алексей. — Давайте опустим технические детали. Мне нужно знать, что грозит Аминате и как это остановить. Это же абсурд. Она просто дала интервью.

Вадим Сергеевич горько усмехнулся и откинулся на спинку стула.

— Абсурд, молодой человек, это категория философская. А мы с вами находимся в поле российского права. И в этом поле дело вашей девушки — не ошибка системы. Это ее прямое назначение.

Он повернулся к компьютеру, щелкнул мышкой, открывая правовую базу данных, и развернул монитор к Алексею и Аминате.

— Все началось с так называемого антитеррористического пакета законов, принятого несколько лет назад. Обществу объяснили, что это необходимо для защиты от радикалов и взрывателей. Но если вы посмотрите на юридическую структуру этого

документа, вы увидите, что он выстроен как идеальная ловушка, в которой человек виноват по умолчанию.

Адвокат вывел на экран текст закона.

— Посмотрите сюда. Закон ввел в Уголовный кодекс статью за недоносительство. Официально это называется «Несообщение о преступлении». Если вы обладаете информацией, но не сообщили ее органам, вы становитесь преступником. Это создает презумпцию виновности для любого человека, оказавшегося рядом с подозреваемым. Но это еще не все. Юридическая конструкция поправок оказалась настолько кривой, что нарушила базовые принципы уголовного права.

Вадим Сергеевич открыл другой документ — отсканированные листы с официальными бланками.

— Знаете, что это? Это официальный отзыв Правового управления Государственной Думы на этот самый законопроект. Пять страниц убористого текста, написанного главными юристами парламента. Они черным по белому указали на вопиющие противоречия. Например, по новым нормам соучастник преступления может получить больший тюремный срок, чем сам исполнитель теракта. Законодатели так увлеклись повышением нижних порогов наказания за пособничество, что сломали принцип соразмерности. Юристы Думы прямо написали: принятие закона в таком виде недопустимо, оно разрушает логику Уголовного кодекса.

— И что произошло? — спросил Алексей, чувствуя, как внутри закипает глухая злость. — Они исправили эти ошибки?

— Нет, — адвокат покачал головой. — Закон был принят именно в таком виде. Отзыв Правового управления просто проигнорировали. Документ продавили через парламент с невероятной скоростью. И знаете почему? Потому что истинная цель этого пакета скрывалась не в антитеррористических статьях.

Вадим Сергеевич перевел взгляд на Аминату, которая сидела, плотно сцепив руки на коленях.

— Настоящая цель была спрятана в самом конце документа. В последнюю ночь перед голосованием в пакет тихо, без общественного обсуждения, вписали поправки в закон о свободе совести. И ввели ту самую статью 5.26 КоАП РФ, по которой вас сейчас привлекают.

Он снова повернулся к монитору и выделил текст на экране.

— Часть четвертая. Осуществление миссионерской деятельности с нарушением требований законодательства. Закон ввел совершенно новое, максимально размытое понятие миссионерства. Теперь, чтобы публично говорить о своей вере, вы обязаны иметь при себе специальный документ от официально зарегистрированной религиозной организации. Если вы рассказываете о Боге у себя дома гостям — это миссионерство. Если вы написали пост в социальной сети — это миссионерство. Если вы, как в вашем случае, Амината, дали интервью в интернете — это миссионерство.

— Но я же не призывала никого вступать в церковь! — голос Аминаты сорвался. — Я просто отвечала на вопросы журналиста о своей жизни. Моя вера — это часть меня. Как мое имя. Как цвет моей кожи. Как я могу о ней не говорить?

— Для закона это не имеет значения, — мягко, но непреклонно ответил Вадим Сергеевич. — Правоприменительная практика по статье 5.26 беспощадна. За время действия закона по ней были привлечены сотни обычных верующих. Баптисты, пятидесятники, кришнаиты, буддисты. Людей штрафуют за то, что они поют религиозные песни в кафе. За то, что они раздают журналы на улице. За то, что они собираются для молитвы в арендованных помещениях.

Адвокат достал из ящика стола чистый лист бумаги и ручку.

— Ваша ситуация осложняется тем, что вы иностранная гражданка. Для граждан России наказание по этой статье — крупный штраф. Для иностранцев — штраф и административное выдворение за пределы Российской Федерации. Депортация.

Слово повисло в воздухе, тяжелое и холодное. Амината закрыла лицо руками. Алексей инстинктивно придвинулся к ней, обняв за плечи. Он чувствовал, как она дрожит. Шесть лет тяжелейшей учебы. Бессонные ночи над учебниками анатомии. Деньги, которые ее родители собирали по крупицам в далеком Лагосе. Все это должно было закончиться через месяц получением диплома врача. И все это прямо сейчас уничтожалось несколькими строчками юридического текста.

— Что мы можем сделать? — Алексей посмотрел на адвоката. Его голос звучал твердо, хотя внутри все сжималось от бессилия. — Должна быть процедура апелляции. Мы можем доказать, что в ее словах не было состава правонарушения. Провести лингвистическую экспертизу.

— Мы будем бороться, безусловно, — кивнул Вадим Сергеевич, делая пометки на листе. — Я возьмусь за это дело. Мы подадим ходатайства, запросим независимую экспертизу видеоролика. Но вы должны понимать реальность. Суды штампуют решения по статье 5.26 как под копирку. Экспертизы со стороны обвинения часто пишутся людьми, которые не имеют профильного образования, но зато имеют четкую установку находить «скрытое миссионерство» в любом упоминании религии.

Адвокат посмотрел на часы.

— Амината, когда у вас заканчивается текущая регистрация?

— Через три дня, — тихо ответила она, убирая руки от лица. — Я должна была идти в миграционную службу завтра утром, чтобы подать документы на продление до конца государственных экзаменов.

— Вот там вас и ждут, — констатировал Вадим Сергеевич. — Как только вы подадите паспорт в окно, инспектор увидит флажок в базе. Вам вручат протокол об административном правонарушении. Скорее всего, суд назначат в тот же день или на следующее утро. Система работает быстро, когда ей это нужно.

Алексей встал и подошел к окну. На улице начинался мелкий, колючий дождь. Прохожие прятались под зонтами, спеша по своим делам. Город жил своей обычной жизнью, не подозревая о том, какие процессы протекают в невидимом цифровом и юридическом пространстве вокруг них.

Он вспомнил гудящие стойки серверов в своем дата-центре. Миллиарды рублей, потраченные на оборудование. Петабайты данных. Громкие слова с трибун о защите государства от терроризма. И вот он, реальный результат работы этой колоссальной инфраструктуры: студентка-медик, плачущая в кабинете адвоката из-за того, что рассказала о своей вере на камеру.

Закон не был сломан. Закон не содержал ошибок, которые нужно было исправить. Пятистраничный отзыв юристов Государственной Думы был проигнорирован не по недосмотру. Противоречия, абсурдные наказания, презумпция виновности — все это было создано намеренно. Это была среда, в которой любой человек мог быть признан виновным в любой момент.

Алексей повернулся к Аминате и адвокату. В его голове больше не было паники. На ее место пришла холодная, расчетливая решимость. Если система выстроена как

ловушка, значит, у этой ловушки есть создатели. Люди, которые вписали эти строки в закон. Люди, которым было выгодно превратить обычных верующих в угрозу национальной безопасности.

Он перевел взгляд на лежащие на столе распечатки закона. Черные буквы на белой бумаге. Текст, который ломал человеческие судьбы. Алексей еще не знал, кто именно стоит за этими формулировками, но он твердо решил это выяснить. Иначе спасти Аминату будет невозможно.

Глава 4. Иллюзия безопасности

Управление по вопросам миграции на улице Родионова встретило Аминату запахом влажной шерсти, дешевого растворимого кофе и застарелой, въевшейся в стены тревоги. Длинный коридор был забит людьми. Студенты из Индии, рабочие из стран Средней Азии, семьи с плачущими детьми — все они ждали своей очереди, сжимая в руках пластиковые папки с документами. Электронное табло над дверями кабинетов монотонно пикало, высвечивая красные цифры.

Амината сидела на жестком металлическом стуле, положив на колени пухлую папку. Внутри лежал ее паспорт, справка из деканата Приволжского исследовательского медицинского университета, подтверждающая, что она допущена к государственным экзаменам, квитанции об оплате пошлины и договор аренды комнаты в общежитии. Стандартный набор, который она собирала и сдавала каждый год на протяжении последних шести лет. Обычно эта процедура занимала не больше десяти минут у окна инспектора.

Она закрыла глаза и глубоко вдохнула, пытаясь унять дрожь в пальцах. Слова адвоката, сказанные накануне, пульсировали в висках. *«Как только вы подадите паспорт в окно, инспектор увидит флажок в базе»*. Амината беззвучно молилась, прося сил принять то, что должно произойти. Ее вера, та самая вера, из-за которой она оказалась в этой ситуации, сейчас была ее единственной опорой.

Табло над окном номер четыре мигнуло. Высветился ее номер: У-114.

Амината встала, поправила желтый шарф и подошла к стеклянной перегородке. За ней сидела женщина в форме, с усталым лицом и туго стянутыми в пучок светлыми волосами.

— Цель обращения? — сухо спросила инспектор, не поднимая глаз. — Продление учебной визы и регистрации, — голос Аминаты прозвучал тише, чем она хотела. Она просунула папку в узкую щель под стеклом.

Инспектор привычным движением вытащила паспорт, открыла страницу с визой и начала вбивать данные в компьютер. Клавиатура громко щелкала. Амината смотрела на руки женщины, на ее коротко остриженные ногти, на обручальное кольцо. Обычный человек, выполняющий обычную работу.

Внезапно щелканье клавиш прекратилось.

Инспектор нахмурилась, придвинулась ближе к монитору и несколько раз кликнула мышкой. Ее лицо неуловимо изменилось — скука сменилась настороженностью. Она наконец подняла глаза на Аминату. В этом взгляде больше не было равнодушия. В нем читалась холодная, профессиональная дистанция, с которой смотрят на правонарушителей.

— Ожидайте, — бросила инспектор. Она взяла паспорт Аминаты, встала из-за стола и скрылась за неприметной дверью в глубине кабинета.

Ожидание длилось двадцать минут. Для Аминаты время растянулось в бесконечную, вязкую субстанцию. Люди в очереди позади нее начали недовольно перешептываться. Каждый раз, когда дверь открывалась, сердце студентки пропускало удар. Наконец инспектор вернулась. За ней шел мужчина в штатском — плотный, с короткой стрижкой и папкой-планшетом в руках.

Он подошел к окну, отодвинул инспектора и посмотрел на Аминату через стекло.

— Вы пройдете со мной в кабинет номер восемь, — сказал он тоном, не терпящим возражений. — Прямо по коридору, последняя дверь направо.

В кабинете номер восемь не было окон. Только стол, два стула и гудящий системный блок под столом. Мужчина сел, открыл свой планшет и достал несколько листов бумаги.

— Ознакомьтесь и распишитесь, — он пододвинул к ней документы.

Амината опустила взгляд. На белом листе казенным шрифтом было напечатано: «Протокол об административном правонарушении. Статья 5.26 КоАП РФ, часть 5». Ниже шли формулировки о незаконной миссионерской деятельности, о публичном распространении убеждений, о видеоролике в сети Интернет.

— Моя виза… — прошептала она. — Мне нужно сдать государственные экзамены. У меня диплом через месяц. — Ваша виза аннулируется с момента вступления в силу решения суда, — равнодушно ответил мужчина. — Судебное заседание назначено на завтра, на десять утра. Районный суд. Адрес указан в повестке. Распишитесь в получении.

Амината взяла ручку. Ее рука дрожала так сильно, что подпись получилась кривой, непохожей на ту, что стояла в паспорте. Государственная машина сделала свой первый оборот, затягивая ее внутрь.

В это же время в Москве Алексей сидел за угловым столиком в шумной хинкальной на Маросейке. Заведение было забито студентами и офисными работниками, пришедшими на обед. Звон посуды, громкие разговоры и музыка создавали плотный звуковой фон, в котором растворялись любые частные беседы. Именно поэтому Илья Воронцов выбрал это место.

Илья был независимым журналистом-аналитиком, специализирующимся на работе с большими данными и криминальной статистикой. В прошлом он работал в крупном федеральном издании, но ушел на вольные хлеба, когда редакционная политика стала слишком тесной для его расследований. Перед ним на столе лежал раскрытый ноутбук, а рядом остывал крепкий черный чай.

Алексей нашел его через знакомых в IT-тусовке. Ему нужно было понять макроуровень проблемы. Если технически закон был бессмысленным, а юридически — абсурдным, то какова была реальная логика государства? Зачем понадобилось принимать столь жесткие меры именно в две тысячи шестнадцатом году?

— Ты ищешь логику там, где ее принято скрывать за громкими лозунгами, — сказал Илья, поворачивая экран ноутбука к Алексею. — Нам годами рассказывали, что антитеррористический пакет был жизненно необходим для спасения страны от радикалов. Что угроза росла, и нужны были экстренные меры. Но цифры говорят совершенно о другом.

Илья открыл вкладку с англоязычным сайтом. — Это Global Terrorism Database, или GTD. Одна из крупнейших международных баз данных, которая фиксирует террористические инциденты по всему миру с тысяча девятьсот семидесятого года. В ней более двухсот тысяч записей. Ее используют исследователи и международные организации для анализа динамики. Смотри на график по России с две тысячи восьмого по две тысячи шестнадцатый год.

Алексей всмотрелся в экран. Кривая на графике резко шла вверх в начале десятых годов, достигая пика, а затем начинала стабильно и неуклонно падать вниз.

— К середине десятилетия число зафиксированных террористических инцидентов в России заметно снизилось по сравнению с пиковыми значениями начала десятых годов, — комментировал Илья, водя ручкой по экрану. — Вооруженное подполье на Северном Кавказе было практически ликвидировано. Спецслужбы и правоохранительные органы работали системно и эффективно. К две тысячи пятнадцатому году, за год до принятия закона Яровой, уровень террористической угрозы находился на историческом минимуме за многие годы.

Алексей нахмурился.

— То есть, когда они принимали самый жесткий антитеррористический закон в современной истории, число террористических инцидентов уже заметно снижалось?

— Именно, — кивнул Илья. — И самое интересное, что власть прекрасно об этом знала. Это не секретные данные. Они сами публично гордились этими успехами.

Журналист открыл текстовый документ с подборкой цитат.

— Вот, пожалуйста. Выступление Председателя Совета Федерации на конференции по противодействию международному терроризму в Санкт-Петербурге. Она заявляет: «Количество преступлений террористической направленности в России за последние 10 лет снизилось почти в 100 раз».

Илья прокрутил страницу ниже.

— А вот слова главы страны на коллегии ФСБ в марте две тысячи девятнадцатого года. Я процитирую дословно: «Количество преступлений террористической направленности за десятилетие снизилось многократно — с 997 до 9. При этом количество предотвращенных терактов остается высоким — около 20 в год».

Он выделил еще один абзац.

— И чтобы окончательно закрыть вопрос, вот отчет директора ФСБ за две тысячи двадцать первый год: «В России за последние 10 лет предотвращено около 200 терактов, а количество совершенных преступлений террористической направленности снизилось в 260 раз».

Алексей откинулся от стола, чувствуя, как в голове складывается пугающая картина.

— Подожди. Если динамика показывала стабильное снижение, если спецслужбы успешно справлялись со своими задачами без всякого тотального контроля трафика и без статей за недоносительство, то чем была вызвана экстренная необходимость принятия этого пакета?

— Вот мы и подошли к главному вопросу, — Илья сделал глоток остывшего чая. — Антитеррористическая риторика была лишь ширмой. Удобным, беспроигрышным предлогом. Никто в здравом уме не выступит против закона, который обещает защитить детей от взрывов. Но давай посмотрим, что произошло со статистикой после того, как закон вступил в силу.

Илья открыл следующий график, основанный на официальных данных МВД. Кривая, которая до две тысячи шестнадцатого года шла вниз, внезапно делала резкий излом и начинала ползти вверх.

— После принятия закона и введения жестких мер статистика преступлений террористической направленности пошла вверх, — констатировал журналист. — Почему? Потому что изменились правила игры. Еще в две тысячи тринадцатом году в Уголовный кодекс внесли изменения, расширив список того, что считается терроризмом. Туда добавили публичные призывы, оправдание терроризма, прохождение обучения. Это искусственно раздуло цифры зарегистрированных преступлений. Но главное произошло позже.

Илья подался вперед, понизив голос, несмотря на шум в кафе.

— Когда закон Яровой заработал, значительная часть кадрового и оперативного ресурса правоохранительной системы была отвлечена от непосредственной борьбы с реальной террористической угрозой. Нагрузка легла на тот же самый штат оперативников и следователей. Ресурсы, которые раньше обеспечивали реальное снижение угрозы, были перенаправлены на задачи, не имеющие прямого отношения к борьбе с терроризмом.

— На какие задачи? — спросил Алексей, хотя уже знал ответ. — На контроль за религиозной сферой. На преследование религиозных меньшинств. На борьбу с инакомыслием. Оперативнику гораздо проще найти в интернете видеоролик студентки, рассказывающей о Боге, составить протокол по части 5 статьи 5.26 и поставить галочку в отчете о проделанной работе, чем внедряться в реальную спящую ячейку радикалов. Система пошла по пути наименьшего сопротивления. Антитеррористический закон создал идеальную правовую базу для преследования обычных верующих.

Алексей смотрел на графики. Сухие линии на экране монитора отражали сломанные судьбы. Государство выстроило колоссальную инфраструктуру слежки, потратило миллиарды рублей на оборудование, переписало уголовный кодекс не для того, чтобы ловить преступников. Оно сделало это для того, чтобы получить инструмент тотального контроля над мировоззрением своих граждан. И Амината оказалась идеальной, легкой мишенью для этой машины, которой требовалось постоянно оправдывать свое существование новыми делами.

В кармане куртки Алексея коротко завибрировал телефон.

Он достал аппарат и разблокировал экран. В мессенджере висело одно непрочитанное сообщение от Аминаты. Это была фотография.

Алексей открыл изображение. На экране высветился белый лист бумаги, лежащий на казенном столе. В верхнем углу стоял синий штамп Управления по вопросам миграции. По центру крупными буквами значилось: «Протокол об административном правонарушении». В самом низу, в графе «Подпись лица, в отношении которого возбуждено дело», криво, дрожащей рукой было выведено имя Аминаты.

Под фотографией было короткое текстовое сообщение: *«Суд завтра в 10:00. Они забирают мою визу, Леша»*.

Алексей смотрел на экран телефона, чувствуя, как шум хинкальной отдаляется, превращаясь в глухой гул. Статистика, графики, цитаты чиновников — все это перестало иметь значение. Иллюзия безопасности окончательно рухнула, оставив после себя лишь холодную, безжалостную реальность, в которой у них оставалось меньше суток до того момента, как система вынесет свой приговор.

Глава 5. Слепое пятно

Тяжелые дубовые двери старого бильярдного клуба на Таганке с глухим стуком отсекли шум вечерней Москвы. Внутри царил полумрак, пахло дорогим трубочным табаком, полированным деревом и специфической меловой пылью. Алексей спустился по узким ступеням в зал, освещенный лишь низкими конусообразными лампами, висящими строго над зеленым сукном столов. До отправления его ночного поезда в Нижний Новгород оставалось чуть больше шести часов. Завтра утром Амината предстанет перед судом, и у Алексея не было ни единого правового аргумента, чтобы ей помочь. Ему нужно было понять логику тех, кто создал эту правовую ловушку, понять, как именно принимался документ, ломающий жизнь его девушки.

Журналист Илья, с которым Алексей встречался накануне, дал ему один контакт. «Если хочешь понять, как принимаются законы в этой стране, не читай официальные пресс-релизы, — сказал тогда Илья, пересылая номер в защищенном мессенджере. — Поговори с теми, кто физически носил бумаги по коридорам Охотного Ряда. Я договорился о встрече».

Виктор, бывший помощник одного из влиятельных депутатов Комитета по безопасности, ждал его у самого дальнего стола в углу зала. Это был высокий, подчеркнуто аккуратный мужчина лет сорока пяти, одетый в темную водолазку и серые брюки. Он методично натирал синим мелом наклейку кия. В две тысячи шестнадцатом году Виктор работал в самом центре законотворческого процесса, а сейчас занимался частным консалтингом, предпочитая держаться как можно дальше от государственной службы.

— Алексей? — Виктор не поднял глаз, прицеливаясь к белому шару. — Илья сказал, вы ищете концы в истории с антитеррористическим пакетом.

Раздался сухой, резкий щелчок. Шар с идеальной точностью вошел в угловую лузу.

— Я ищу авторов, — Алексей подошел ближе, опираясь на край соседнего, пустующего стола. — В моей профессии, в IT-сфере, если программа работает не так, как заявлено, мы смотрим историю изменений. Систему контроля версий. Мы видим, кто внес конкретные строки кода, когда именно он это сделал и какой комментарий оставил. Я хочу понять, кто написал те нормы, по которым сейчас судят мою девушку.

Виктор усмехнулся, выпрямился и посмотрел на Алексея. В его взгляде читалась усталая снисходительность человека, который давно перестал верить в существование строгих правил.

— Система контроля версий? — Виктор покачал головой. — В Государственной Думе это работает совершенно иначе. Вы, наверное, думаете, что законы такого колоссального масштаба пишутся профильными министерствами? Что они проходят долгую, вдумчивую экспертизу, согласовываются с отраслью, тестируются на предмет возможных последствий?

— Это было бы логично, учитывая, что закон затрагивает всю инфраструктуру связи в стране, — ответил Алексей, чувствуя, как внутри нарастает раздражение от этого спокойного тона.

— Логично, — эхом отозвался Виктор. Он неспешно обошел стол, выбирая новую позицию для удара. — Давайте я расскажу вам, как эта «логика» выглядела изнутри. Июнь две тысячи шестнадцатого года. Жара. Конец созыва, депутаты сидят на чемоданах, готовятся к грядущим выборам. И тут в повестке появляется этот документ. Знаете, что писали тогда деловые издания? Журналисты газеты «Ведомости» опрашивали свои источники, пытаясь понять, кто вообще может заработать на этом законе, кто является его реальным бенефициаром. И один из их собеседников сказал фразу, которая идеально описывает ситуацию. Я процитирую ее дословно, потому что мы тогда в аппарате комитета повторяли ее каждый день: «Пакет Яровой свалился как снег на голову и чиновникам, и участникам телекоммуникационного рынка. Это говорит о том, что инициаторами закона выступили два-три очень влиятельных человека, для которых интересы бизнеса не стоят на первом месте».

Алексей нахмурился, доставая из внутреннего кармана куртки блокнот. Привычка фиксировать данные работала даже сейчас, когда мысли постоянно возвращались к Аминате, сидящей в пустой комнате общежития в ожидании суда.

— Подождите. Вы хотите сказать, что профильные ведомства вообще не участвовали в разработке финальной версии? А как же Министерство связи? Они же должны были оценивать техническую реализуемость хранения данных.

Виктор ударил по шару. На этот раз промах. Он раздраженно стукнул древком кия по полу и посмотрел прямо на Алексея.

— Они были в таком же шоке, как и все остальные. Правительство Российской Федерации официально открещивалось от этого текста. Один из федеральных чиновников тогда прямо заявил прессе: «Правительство не принимало участия в подготовке закона Яровой… Для нас это тоже было шоком». Другой чиновник добавил с нескрываемым сожалением: «Конечно, отзыв правительства был, но его никто толком не учитывал». Представляете уровень управленческого абсурда? Министерство связи узнает о главных правках, внесенных в текст, не из официальных уведомлений, а по своим собственным каналам, в последнюю минуту, и едва успевает составить правительственный отзыв.

— Если не правительство, то кто? — Алексей сделал пометку в блокноте. — Администрация президента? Силовые ведомства? Кто-то же должен был написать этот текст.

— Администрация президента тоже поспешила откреститься от идеологического лидерства в этом проекте, — Виктор присел на высокий барный стул возле стола, отложив кий. — В прессе тогда цитировали человека, хорошо знакомого с чиновниками администрации: «Идеологи закона — структуры, аффилированные с ФСБ». Но самое поразительное, что даже сами силовики не брали на себя полную ответственность за техническую часть. Сотрудник центрального аппарата МВД тогда уточнил для журналистов: «Идея нормы о хранении данных исходила не от силовиков, но была ими одобрена». Никто не хотел ставить свою подпись под этим монстром. Все кивали друг на друга, создавая идеальное слепое пятно, в котором скрывались настоящие авторы.

Алексей смотрел на зеленое сукно бильярдного стола. В его голове не укладывалось, как документ, меняющий жизнь миллионов людей, требующий колоссальных бюджетов на закупку оборудования, мог появиться словно из ниоткуда. В его цифровом мире любой процесс имел инициатора. Безымянных процессов не существовало — система просто выдала бы ошибку доступа.

— Но ведь существует регламент, — произнес Алексей, стараясь сохранить рациональный подход. — Процедура. Чтения, голосования, обязательные экспертизы. Как можно принять закон, если все ключевые ведомства от него отказываются или заявляют о своей непричастности?

Виктор рассмеялся. Это был сухой, невеселый смех человека, знающего цену политическим декорациям.

— Регламент? Вы всерьез верите в незыблемость регламента? Давайте вспомним, как проходило первое чтение. Депутат от фракции КПРФ тогда прямо указал на грубейшее нарушение парламентских процедур. Он встал и сказал в микрофон на весь зал: «В 105-й статье регламента записано, что при внесении изменений или дополнений в Уголовный кодекс или Уголовно-процессуальный кодекс обязательно должен быть отзыв правительства и, особо подчеркнуто, Верховного суда. Почему автор Ирина Яровая не должна это выполнять, непонятно».

Виктор подался вперед, опершись локтями о колени.

— И знаете, что произошло после этого заявления? Абсолютно ничего. Документ пошел дальше, словно этого замечания не было. Но настоящий, беспримесный хаос начался перед вторым чтением. Это были двадцатые числа июня. Комитет по безопасности рекомендовал поправки ко второму чтению принять в понедельник, двадцатого июня. Рассмотрение в зале заседаний назначили на среду, двадцать второе. Но внезапно на заседании заместитель председателя профильного комитета просит перенести слушания на пятницу. Причина? Подготовка новых поправок.

Виктор снова встал, взял кий и начал нервно прохаживаться вдоль стола, словно заново переживая те дни.

— В среду днем происходит нечто беспрецедентное. Поправки, которые уже были официально опубликованы и одобрены комитетом, просто исчезают из электронной базы данных Государственной Думы. Испаряются. Журналисты обрывают телефоны, звонят помощнице Яровой, а она не может объяснить прессе, почему текст удален, будут ли вноситься новые правки и планируются ли уточнения первоначальных положений. Вечером того же дня на странице мероприятий Госдумы появляется сообщение: комитет снова просит своих членов через опросные листы поддержать пакет ко второму чтению. Текст переписывают буквально на коленке. Нормы о лишении гражданства то вносят, то убирают. Опрос депутатов идет до позднего вечера, многие физически не успевают прочитать, за что они ставят свою подпись.

Алексей перестал писать. Ручка замерла над бумагой.

— Вы хотите сказать, что они голосовали за пустые страницы? За документ, которого не видели?

— Хуже, — жестко отрезал Виктор. — Они голосовали за текст, который менялся в реальном времени. Газета «Коммерсантъ» тогда писала, что работа над поправками

продолжалась даже утром в день голосования. Депутаты жали на кнопки, принимая документ, окончательные поправки к которому, по сообщениям прессы, раздали за несколько минут до обсуждения. Итог: двести восемьдесят семь голосов «за», сто сорок семь «против», один воздержался. Закон приняли сразу во втором и третьем чтениях.

В бильярдной повисла тяжелая тишина, нарушаемая лишь приглушенной джазовой музыкой, доносящейся из бара. Алексей пытался осмыслить услышанное. Процедурный хаос такого масштаба не мог быть случайностью или следствием обычной чиновничьей некомпетентности. Если текст прячут, если его меняют в последнюю минуту, игнорируя регламент, значит, в него вписывают то, что ни при каких обстоятельствах не должно пройти публичное обсуждение.

— Зачем такая невероятная спешка? — тихо спросил Алексей, глядя на Виктора. — Зачем ломать регламент и гнать закон к принятию в последние дни сессии, рискуя грандиозным скандалом?

Виктор остановился напротив Алексея, опираясь на кий как на трость.

— Потому что под оглушительный шум о терроризме протаскивали совершенно другие вещи. Те самые два-три влиятельных человека использовали антитеррористическую истерию как таран. Посмотрите, кто громче всех требовал ужесточения контроля в те дни. Двадцатого июня две тысячи шестнадцатого года, в самый разгар этого хаоса с исчезающими поправками, сенатор Елена Мизулина выступает с инициативой.

Виктор достал из кармана смартфон, быстро нашел нужную заметку в архиве и зачитал вслух:

— «Возможно, нам стоит вернуться к идее предварительной фильтрации сообщений. Мы не можем спокойно смотреть на это». Знаете, чем она аргументировала необходимость такой тотальной цензуры? Данными организации «Лига безопасного интернета», которая якобы выявила целый ряд закрытых групп, где подросткам промывают мозги для убийства полицейских. Никаких публичных доказательств. Никакой статистики. Никаких подтверждений от МВД. Просто громкие заявления о скрытых угрозах, которые невозможно проверить независимо.

— Создание атмосферы паники, — констатировал Алексей. — Когда люди напуганы невидимой угрозой, они готовы согласиться на любые ограничения.

— Именно, — кивнул Виктор, убирая телефон. — Когда все смотрят на фокусника, который размахивает ярким платком — терроризмом, слежкой, фильтрацией, — никто не смотрит на его вторую руку. А вторая рука в этот момент вписывает в текст закона нормы, которые не имеют к государственной безопасности ни малейшего отношения.

Алексей посмотрел на экран своего телефона. Время неумолимо таяло. До поезда оставалось пять часов.

— Виктор, вы были там. Вы видели эти опросные листы. Вы помните, какие именно поправки появились в тексте в самую последнюю ночь перед голосованием? Что именно вписали, пока все спорили о хранении данных и лишении гражданства?

Виктор медленно положил кий на зеленое сукно. Его лицо стало предельно серьезным, всякая ирония исчезла, уступив место мрачной сосредоточенности.

— На стадии подготовки ко второму чтению, без полноценного публичного обсуждения, в антитеррористический пакет тихо вписали поправки в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях». Те самые миссионерские статьи. Ограничения на миссионерскую деятельность вне предусмотренных законом мест. Запрет на распространение убеждений в жилых помещениях. Административная ответственность за миссионерскую деятельность без документов, подтверждающих полномочия.

Алексей почувствовал, как по спине пробежал ледяной холод. Разрозненные фрагменты информации внезапно выстроились в единую, пугающе четкую линию.

— Появление этих норм в пакете, который позиционировался исключительно как срочная мера против террористов, было абсолютно нелогичным, — продолжил Виктор, глядя Алексею прямо в глаза. — Если только…

— Если только это не было главной целью с самого начала, — твердо закончил за него Алексей.

Виктор молча кивнул. Он подошел к бару, бросил на стойку несколько купюр за аренду стола и снова повернулся к Алексею.

— Вы ищете логику в законе, Алексей. Но закон — это лишь инструмент. Текст меняли до последней минуты, и в этом хаосе религиозные поправки оказались почти невидимыми для широкой публичной дискуссии. Те два-три влиятельных человека, о которых писали «Ведомости», совершенно не интересовались телекоммуникационным

рынком. Их интересовал контроль над умами. И они получили его, проведя спорные нормы через Государственную Думу в условиях крайней спешки и слабого публичного контроля.

Алексей вышел из бильярдного клуба на сырую, продуваемую ветром московскую улицу. Ветер гнал по асфальту мелкий мусор и обрывки газет. В кармане куртки лежал билет на ночной поезд до Нижнего Новгорода.

Теперь он знал, как это произошло. Процедурный хаос, исчезающие из базы данных поправки, проигнорированные отзывы Верховного суда и Правительства — все это было тщательно спланированной дымовой завесой. Колоссальная инфраструктура слежки, петабайты зашифрованных данных, миллиарды рублей убытков для операторов связи — все это было лишь огромной, дорогостоящей витриной. Настоящий удар наносился тихо, в последнюю ночь, в обход всех парламентских процедур.

Алексей достал телефон и открыл фотографию протокола, которую прислала Амината. Кривая, дрожащая подпись испуганной студентки под документом, который вырос из процедуры, прошедшей через спешку, непрозрачность и публичные споры.

Завтра в десять утра судья в Нижнем Новгороде откроет заседание. Судья будет опираться на закон, который был принят с нарушением всех мыслимых регламентов. Судья будет судить девушку за слова о Боге, сказанные на камеру, опираясь на антитеррористический пакет, авторы которого до сих пор прятались в тени.

Алексей убрал телефон в карман, поднял воротник куртки и быстрым шагом направился в сторону станции метро. Ему предстояло посмотреть в глаза системе, которая научилась прятать свои истинные цели за слепыми пятнами парламентских процедур, и попытаться вырвать из ее челюстей человека, которого он любил.

Глава 6. Ночная поправка

Здание районного суда в Нижнем Новгороде. Узкий коридор был тускло освещен люминесцентными лампами, одна из которых непрерывно и раздражающе мигала, издавая тихое электрическое потрескивание.

Алексей сидел на жесткой деревянной скамье, крепко сжимая холодную ладонь Аминаты. Девушка смотрела прямо перед собой невидящим взглядом. Ее любимый желтый шарф, обычно такой яркий и жизнерадостный, сейчас казался неуместным пятном в этом царстве серых стен и казенных дверей. До начала заседания оставалось десять минут.

Для Алексея, привыкшего к стерильной чистоте дата-центров, к строгой логике программного кода и предсказуемости серверного оборудования, происходящее казалось сюрреалистичным сном. В его мире любая система создавалась для решения конкретной задачи. Если алгоритм давал сбой, его исправляли. Но здесь, в этих обшарпанных стенах, работала совершенно иная логика.

Дверь зала номер четыре со скрипом приоткрылась. Выглянула секретарь суда — молодая девушка с уставшим лицом и стопкой папок в руках.

— Дело об административном правонарушении, статья 5.26. Проходите.

Они вошли в небольшой зал. За массивным деревянным столом, над которым висел государственный герб, сидела судья Лебедева — женщина средних лет в черной мантии, с непроницаемым, застывшим выражением лица. Справа за отдельным столиком расположился представитель обвинения — тот самый сотрудник в штатском, который вчера вручал Аминате протокол в управлении по вопросам миграции. Адвокат Вадим Сергеевич занял место слева, разложив перед собой пухлую папку с документами.

Заседание началось с сухой, скороговоркой зачитанной формальной части. Судья монотонно перечисляла права, обязанности и суть обвинения. Каждое слово падало в тишину зала тяжелым камнем.

— …гражданка Республики Нигерия, находясь на территории Российской Федерации, осуществила миссионерскую деятельность с нарушением требований законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях, не имея при себе документа, подтверждающего полномочия на осуществление миссионерской деятельности от имени религиозной организации. Данный факт подтверждается видеозаписью, размещенной в открытом доступе в сети Интернет…

Алексей слушал этот казенный язык, и в его голове окончательно складывалась картина, фрагменты которой он собирал последние двое суток.

Он вспомнил свой разговор в бильярдной с бывшим помощником депутата. Вспомнил исчезающие из базы данных поправки и голосование вслепую. Статья, по которой сейчас судили Аминату, жестко регулирующая любую миссионерскую деятельность, не была частью первоначального антитеррористического пакета. Она была вписана в текст документа в самую последнюю ночь перед финальным голосованием.

Эта поправка не прошла полноценного публичного обсуждения с религиозными объединениями и профильным комитетом по делам общественных объединений и религиозных организаций. Пока вся страна, журналисты и операторы связи с ужасом обсуждали миллиардные затраты на хранение телефонных разговоров и переписки, в тень этого колоссального скандала тихо скользнула норма, которая сделала административно и уголовно наказуемым обычный разговор о своей вере вне специально отведенных мест.

Представитель обвинения встал, чтобы дать пояснения. — Ваша честь, факт правонарушения налицо. На видеозаписи обвиняемая прямо заявляет о своей принадлежности к христианской религии, рассказывает о посещении богослужений и публично делится своими религиозными переживаниями с неограниченным кругом лиц через сеть Интернет. Документов, подтверждающих полномочия на осуществление миссионерской деятельности от имени религиозного объединения, у нее нет. Прошу признать виновной и назначить наказание в виде штрафа с административным выдворением за пределы Российской Федерации.

Он сел на место, даже не взглянув на Аминату. Для него она была просто строчкой в статистике раскрываемости.

Вадим Сергеевич поднялся со своего места. Он поправил очки и посмотрел на судью. — Ваша честь. Сторона защиты категорически не согласна с предъявленным обвинением. Мы имеем дело с вопиющим расширительным толкованием закона. Моя подзащитная не призывала никого вступать в религиозные объединения, не собирала пожертвования и не проводила богослужений. Она дала интервью о своей личной жизни. Применение статьи 5.26 в данном случае противоречит здравому смыслу и базовым конституционным правам.

Адвокат достал из папки несколько листов с распечатками.

— Подобная правоприменительная практика уже стала пугающей тенденцией. Закон используется для преследования людей за их частную духовную жизнь. Позвольте привести задокументированный прецедент, который демонстрирует абсурдность текущего положения дел. 18 мая 2017 года. Карачаево-Черкесия. Последователя Кришны привлекли к ответственности как незаконного миссионера за проведение общинных молитв в собственном доме. В селе Ершов против Сергея Беляева — лидера кришнаитской общины и владельца дома, где община собиралась для молитвы, — было возбуждено дело по обвинению в незаконной миссионерской деятельности. Согласно материалам дела, члены Международного общества сознания Кришны якобы проводили религиозные обряды и миссионерскую деятельность в частном доме, что было признано нарушением закона. Адвокат Беляева, Михаил Фролов, указал, что богослужение в частном доме не имеет ничего общего с миссионерской деятельностью, которую федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» запрещает в жилых помещениях. Он сравнил это с запретом семье молиться перед едой.

Судья Лебедева оторвала взгляд от бумаг и посмотрела на адвоката с легким раздражением. — Защита, мы рассматриваем конкретное дело в Нижнем Новгороде, а не практику судов Карачаево-Черкесии. Ближе к сути.

— Суть именно в этом, ваша честь, — голос Вадима Сергеевича стал жестче. — Суть в том, что норма закона была принята без должной экспертизы и теперь применяется как инструмент репрессий против любых верующих, чья активность выходит за рамки официально одобренных стен.

Алексей смотрел на профиль адвоката, и его пронзила ледяная ясность. Антитеррористическая направленность закона Яровой была лишь колоссальной, невероятно дорогой витриной. Государство заставило операторов связи строить гигантские дата-центры, закупать серверы на миллиарды рублей, хранить петабайты зашифрованного, абсолютно бесполезного трафика. Все это подавалось под соусом защиты от радикалов. Но настоящая цель, ради которой ломали парламентские процедуры и игнорировали отзывы Верховного суда, заключалась именно в этой маленькой поправке.

Им не нужны были террористы. Им нужен был тотальный контроль над мировоззрением. Им нужен был инструмент, позволяющий в любой момент объявить преступником человека, который просто молится у себя дома или рассказывает о Боге на

камеру. Телефонная слежка была отвлекающим маневром, шумовой гранатой, брошенной в общество, чтобы скрыть точечный удар по религиозным меньшинствам и свободе совести.

Вадим Сергеевич взял со стола следующий документ. Это была толстая стопка листов, скрепленная степлером. — Ваша честь, чтобы доказать, что дело моей подзащитной не является единичной ошибкой инспектора, а представляет собой системную проблему применения данного закона, я хочу приобщить к материалам дела официальную стенограмму заседания Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека от 11 декабря 2018 года. На этом заседании член Совета, адвокат Владимир Ряховский, дал исчерпывающую оценку результатам применения тех самых поправок, по которым сегодня судят Аминату.

Адвокат начал читать, чеканя каждое слово, чтобы оно отражалось от голых стен зала суда:

«В июле 2016 года был принят. Федеральный закон “О внесении изменений в Федеральный закон ‘О противодействии терроризму’”, в просторечии — “закон Яровой”. Этот закон также внес поправки в закон о свободе совести. Была добавлена новая глава о миссионерской деятельности, определяющая, что такое миссионерская деятельность, и устанавливающая порядок ее проведения. Дошло до того, что для того, чтобы человек мог говорить о своих убеждениях, он должен быть официально уполномочен религиозной организацией и иметь при себе документ установленного образца, подтверждающий эти полномочия. Для установления ответственности в Кодекс об административных правонарушениях была добавлена статья 5.26. Прошло уже полтора года, и мне бы очень хотелось спросить инициаторов этого закона: достиг ли он целей, поставленных авторами? Был ли привлечен к ответственности хотя бы один экстремист по этому закону? Тем не менее, правоохранительные органы возбудили и довели до суда более 600 административных дел против представителей различных религиозных конфессий, за исключением, пожалуй, только одной — самой крупной. Эти дела настолько невероятны, насколько, вероятно, может позволить воображение. Вот только один яркий пример: Нижний Новгород, студентка, гражданка африканской страны, студентка шестого курса медицинского университета, которой до выпускных государственных экзаменов оставалось чуть больше месяца. Она дает интервью интернет-каналу, рассказывает о себе, своей семье, своем детстве, о том, что она верующая с детства, христианка, и что в России она тоже ходит в церковь, и все это

помогает ей в учебе. Против нее возбуждают два административных дела. Первое — за нарушение правил миссионерской деятельности, что повлекло за собой штраф. Второе — за нарушение цели пребывания в Российской Федерации. Она приехала по учебной визе, а тут она что-то говорит о своих убеждениях. В результате ей назначают наказание в виде штрафа по второму делу и депортацию из Российской Федерации. К счастью, апелляционный суд проявил некоторое здравомыслие: они не отменили эти решения, но отсрочили ее депортацию до получения диплома, буквально на несколько месяцев».

Вадим Сергеевич опустил документ на стол. В зале повисла тяжелая, звенящая тишина.

Алексей почувствовал, как по спине пробежал холодок. Ряховский произнес эти слова в конце две тысячи восемнадцатого года. Он описывал случай, который произошел раньше. И этот случай до мельчайших деталей, вплоть до города, курса медицинского университета и африканского происхождения студентки, совпадал с тем, что происходило прямо сейчас.

Система не просто ошибалась. Система работала по шаблону. Она методично, как конвейерная лента, перемалывала иностранных студентов, верующих, случайных людей, используя один и тот же сценарий, одни и те же формулировки протоколов. Амината была не первой. И, судя по равнодушному лицу судьи, далеко не последней.

— Ваша честь, — тихо, но твердо произнесла Амината, впервые за все заседание подав голос. — Я приехала в эту страну, чтобы стать врачом. Я шесть лет училась спасать человеческие жизни. Моя вера учит меня любви и состраданию. Я не понимаю, как мои слова о Боге могут угрожать безопасности огромного государства. Я прошу вас… позвольте мне сдать экзамены.

Судья Лебедева не подняла глаз. Она быстро перебирала листы в папке дела. — Суд удаляется в совещательную комнату для вынесения решения.

Ожидание длилось не больше пятнадцати минут. Когда судья вернулась, ее голос звучал так же ровно и механически, как и в начале заседания. Она зачитывала постановление, перечисляя статьи, пункты и параграфы, которые сплетались в непробиваемую юридическую сеть.

— …суд постановил: признать виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 5 статьи 5.26 КоАП РФ. Назначить

наказание в виде административного штрафа в размере тридцати тысяч рублей с принудительным административным выдворением за пределы Российской Федерации.

Последняя строка постановления прозвучала как выстрел.

Амината вздрогнула и закрыла лицо руками. Ее плечи беззвучно затряслись. Вадим Сергеевич тяжело вздохнул, собирая свои бумаги обратно в папку. Представитель обвинения удовлетворенно кивнул, забрал свою копию постановления и первым направился к выходу.

Алексей подошел к столу и взял в руки копию судебного решения, оставленную для защиты. Черный шрифт на белой бумаге. Несколько абзацев текста, которые перечеркивали шесть лет тяжелейшего труда, надежды родителей в далеком Лагосе и будущее девушки, которая просто хотела лечить людей.

Он посмотрел на печать суда. Правовой путь в этой стране был закрыт. Закон, написанный в тени, принятый в спешке и направленный против самых беззащитных, работал безупречно. Документ в руках Алексея был не просто судебным решением. Это было физическое доказательство того, что государство готово уничтожить человека ради поддержания иллюзии контроля. И теперь, когда маски были сброшены, оставалось только одно: действовать вне этой сломанной системы, пока у них еще оставалось немного времени до того, как за Аминатой придут судебные приставы.

Глава 7. Тень

Последние слова постановления все еще отдавались глухой болью в висках Алексея, когда он вышел из здания районного суда на продуваемую ветром улицу. Амината шла рядом, плотно укутавшись в свой желтый шарф, который теперь казался единственным ярким пятном в серой нижегородской реальности. Постановление об административном выдворении было вынесено. Государственная система сработала безупречно, оставив только короткий срок на жалобу, от которой теперь зависела возможность отсрочки выдворения до получения диплома.

Алексей посадил девушку в такси, пообещав приехать в общежитие вечером, а сам направился к ближайшей кофейне. Ему нужен был стабильный интернет и несколько часов абсолютной тишины.

Открыв ноутбук, он заказал двойной эспрессо и уставился в экран. В его профессиональной среде, если программа начинала уничтожать полезные файлы, администратор искал источник вредоносного кода. Закон, по которому осудили Аминату, не содержал имени своего истинного создателя. Текст был обезличен, спрятан за коллективной ответственностью депутатов и процедурным хаосом. Но у любой идеологии всегда есть автор. Человек, который первым сформулировал термины, ставшие впоследствии параграфами административного и уголовного кодексов.

Алексей начал с малого. Он открыл подборку судебных решений и публикаций по статье 5.26 КоАП РФ и стал методично выписывать фамилии специалистов, чьи экспертные заключения и комментарии появлялись в резонансных делах. Десятки дел по всей стране. Штрафы, выдворения, конфискации религиозной литературы. В ряде материалов мелькали одни и те же формулировки: «деструктивный культ», «тоталитарная секта», «психологическое манипулирование».

Спустя час работы алгоритм поиска выявил четкую закономерность. Часть публично заметных экспертов и комментаторов была связана с одной организацией — Российской ассоциации центров изучения религий и сект, сокращенно РАЦИРС.

Алексей перешел на официальный сайт ассоциации. Дизайн из нулевых, плотная верстка, агрессивные заголовки. В разделе «Руководство» значилось одно имя, выделенное жирным шрифтом. Президент РАЦИРС — Александр Дворкин.

Поисковая выдача по этому имени вывалила на Алексея тысячи ссылок. Статьи, интервью, видеозаписи лекций, скандалы, судебные иски. Дворкин не занимал высоких государственных постов. Он не был депутатом, сенатором или министром. Официально он числился профессором Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Но масштаб его влияния поражал воображение. Более двадцати лет этот человек методично, шаг за шагом, выстраивал колоссальную сеть влияния, охватившую всю страну.

Алексей углубился в изучение документов, пытаясь понять, как риторика частного лица перекочевала в государственные законы. Ответ нашелся в приказах Министерства юстиции Российской Федерации от 18 февраля и 3 марта 2009 года.

В тот год министр юстиции Александр Коновалов — который, как выяснил Алексей из открытых биографических справок, сам являлся выпускником Свято-Тихоновского университета — утвердил новый состав Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы. Председателем этого совета был назначен Александр Дворкин.

Алексей вчитывался в сухие строки министерских приказов, и по его спине пробегал холодок. Совету были переданы беспрецедентные полномочия. Группа людей под руководством Дворкина получила право исследовать деятельность, вероучение, внутренние документы и литературу любой зарегистрированной религиозной организации. Они могли официально рекомендовать Министерству юстиции признать ту или иную группу экстремистской. Человек, чья риторика строилась на жестком неприятии любых религиозных меньшинств, получил заметный государственный инструмент влияния на оценку их регистрации и деятельности.

Но как эта идеология добралась до самого верха? Как она стала фундаментом для антитеррористического пакета?

Алексей открыл сайт Кремля и начал фильтровать стенограммы встреч президента по ключевым словам «тоталитарные секты». Система выдала несколько результатов. Один из них привлек его особое внимание.

Октябрь 2012 года. Встреча Владимира Путина с губернатором Самарской области Николаем Меркушкиным и представителями общественности. Алексей открыл полную стенограмму.

Слово берет некая Елена Бельчикова. Она обращается к главе государства с просьбой усовершенствовать нормативно-правовую базу для противодействия «тоталитарным сектам» и определить меры по пресечению их деятельности. Алексей быстро пробил имя Бельчиковой в соседней вкладке. Результат не заставил себя ждать: ее имя встречалось в программах церковно-общественных мероприятий как куратора секций, связанных с православным образованием.

Алексей вернулся к стенограмме и впился глазами в ответ президента. Текст гласил:

«Но то, что касается тоталитарных направлений деятельности, это, безусловно, то, что представляет особую угрозу для общества, для людей. Это ведь охота не только за душами, это охота за имуществом людей. В конечном-то итоге всё сводится к имуществу,

к деньгам, к отъёму этого имущества, к отъёму квартир и так далее. Я согласен с Вами в том, что и государственные структуры, и на региональном уровне, и на федеральном должны подумать о совершенствовании нормативно-правовой базы и о практическом применении этих нормативных документов. Мы обязательно это сделаем. Я согласен. Я сам езжу по регионам, часто бываю в регионах. Николай Иванович знает это — то здесь, то там слышу о проблемах. Вы не первая, кто поднимает этот вопрос. Как грибы растут и всякие избушки, где проводятся всякие обряды, где непонятно, что происходит, либо людей под землю загоняют…»

Алексей замер. Фраза «как грибы растут» показалась ему знакомой по антикультовой лексике. Он скопировал ее и вставил в поисковую строку, добавив фамилию Дворкина.

Первой же ссылкой выскочила электронная версия главной книги Александра Дворкина «Сектоведение», изданной задолго до этой встречи. В одном из абзацев черным по белому было написано:

«В сегодняшней России, как грибы, плодятся неоязыческие нативистские секты».

Алексей откинулся от стола, чувствуя, как разрозненные факты сливаются в единую, пугающую своей эффективностью систему. Дворкин не просто писал книги. Он создал сеть лояльных последователей, которые годами, на каждой региональной встрече, на каждом публичном мероприятии транслировали его идеи представителям власти. Они формировали информационный пузырь, искусственную реальность, в которой страна якобы задыхалась от засилья деструктивных культов. И эта многолетняя публичная кампания постепенно дала результат. Риторика сектоведа стала звучать из уст первого лица государства. А когда такие слова произносятся на таком уровне, государственная машина получает политический сигнал и начинает переводить его в язык нормативных актов и правоприменения.

Алексей посмотрел на часы. Половина четвертого дня. В ленте новостей, которую он просматривал параллельно, мелькнул анонс. Сегодня вечером в Москве, в одном из лекториев при крупном ведомственном институте, состоится открытая лекция Александра Дворкина на тему «Духовная безопасность и противодействие деструктивным культам». Вход свободный по предварительной регистрации.

До Москвы было четыре часа на скоростном поезде. Алексей мог успеть. Ему было физически необходимо увидеть человека, чьи идеи прямо сейчас разрушали жизнь Аминаты.

Он быстро заполнил форму регистрации на сайте лектория, купил билет на ближайший «Сапсан» и вышел из кофейни.

Аудитория в Москве была заполнена почти до отказа. Алексей занял место в заднем ряду, стараясь не привлекать к себе внимания. Вокруг сидели люди в строгих костюмах, курсанты в форме ведомственных вузов, несколько женщин с блокнотами и диктофонами. В воздухе висело напряженное ожидание.

Алексей вспомнил еще один документ, который нашел в поезде. В одной из архивных публикаций за 2010 год говорилось, что Дворкин выступал с лекцией о «тоталитарных сектах» как угрозе безопасности перед сотрудниками правоохранительных структур и слушателями ведомственного вуза в Новосибирске. В заметке подчеркивался «живой интерес» аудитории к этой теме. Сейчас Алексей своими глазами видел, как происходит эта передача идеологии.

Свет в зале слегка приглушили. На сцену поднялся мужчина с седой бородой, в темном пиджаке поверх простой рубашки. Александр Дворкин. Он подошел к трибуне, поправил микрофон и окинул зал цепким, тяжелым взглядом.

— Добрый вечер, — его голос звучал уверенно, с легким дефектом речи, заполняя каждый угол просторной аудитории. — Сегодня мы поговорим о невидимой угрозе. О той угрозе, которая не носит поясов со взрывчаткой и не захватывает заложников с оружием в руках. Но от этого она не становится менее разрушительной.

Алексей достал телефон и включил диктофон, положив аппарат на колено.

Дворкин начал лекцию с исторических экскурсов, плавно переходя к современности. Его речь была вязкой и уверенной. Он не использовал сложных академических терминов, говорил просто, образно, постоянно апеллируя к эмоциям слушателей.

— Тоталитарные секты — это опасные новообразования на теле нашего общества, — вещал Дворкин, опираясь руками о края трибуны. — Они маскируются под безобидные кружки по изучению языков, под курсы личностного роста, под благотворительные фонды. Они используют методы психологического контроля, чтобы

лишить человека воли, оторвать его от семьи, от традиций, от государства. И наша задача — задача правоохранительных органов, общества, государства — выявлять эти структуры и жестко пресекать их деятельность.

Алексей смотрел на курсантов, сидящих в нескольких рядах впереди него. Молодые парни, будущие следователи и оперативники, старательно конспектировали слова лектора. Для них этот человек на сцене был непререкаемым авторитетом. Профессором, экспертом государственного уровня. Они не знали о процедурных нарушениях при принятии законов. Они не читали отзывы юристов Государственной Думы. Они впитывали идеологию, которая давала им четкий, понятный образ врага.

— Вы должны понимать, — продолжал Дворкин, повышая голос, — что религиозная активность вне традиционных институтов может использоваться как прикрытие для вербовки. Когда кто-то подходит к вам на улице или записывает видео в интернете, рассказывая о своем так называемом духовном опыте, он не всегда просто делится радостью. Иногда он расставляет сети. И закон дает нам инструменты, чтобы эти сети рвать.

Алексей сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. «Записывает видео в интернете». Амината. Девушка, которая просто искренне верила в Бога и рассказала об этом на крошечном канале. В системе координат этого человека она была не студенткой-медиком, спасающей жизни. Она была вербовщиком. Угрозой национальной безопасности.

Лекция длилась полтора часа. Дворкин приводил примеры, жонглировал фактами, рассказывал страшные истории о разрушенных семьях и потерянных квартирах. Он ни разу не упомянул о том, что его собственные экспертные заключения неоднократно оспаривались независимыми религиоведами. Он не говорил о том, что термин «тоталитарная секта» не имеет общепринятого научного статуса и используется как ярлык для стигматизации неугодных. Он формировал реальность. И эта реальность была страшной.

Когда лекция закончилась, зал взорвался аплодисментами. Люди вставали со своих мест. Несколько человек в форме подошли к трибуне, чтобы пожать лектору руку и задать уточняющие вопросы.

Алексей остался сидеть на своем месте. Он смотрел на эту сцену, и в его сознании окончательно выстроилась вся цепочка. Имя Александра Дворкина нигде не

фигурировало в тексте антитеррористического пакета. Его подписи не было под теми поправками, которые вписали в закон в последнюю ночь перед голосованием. Но именно его многолетняя работа, его лекции в кабинетах спецслужб, его экспертные советы при министерствах создали ту самую почву, на которой эти поправки смогли прорасти.

Государство не просто заимствовало его риторику. Оно все чаще позволяло людям с антикультовой повесткой влиять на язык, через который силовики и чиновники смотрели на религиозные меньшинства. Оперативники Центра по противодействию экстремизму, для которых религиозная сфера становилась частью отчетности по профилактике экстремизма, получили удобную мишень — обычных верующих. Им больше не нужно было рисковать жизнью, внедряясь в вооруженные подполья. Достаточно было открыть интернет, найти видеоролик иностранной студентки, составить протокол по статье 5.26 и получить галочку за выявленное нарушение законодательства о миссионерской деятельности.

Алексей поднялся с места и медленно пошел к выходу из аудитории. В коридоре курсанты оживленно обсуждали услышанное.

— Слышал, что он про этих проповедников сказал? — донесся до Алексея обрывок фразы молодого парня в форме. — Надо будет завтра базу по нашему району пробить, наверняка кто-то без бумаг собирается.

Алексей остановился у тяжелых дубовых дверей на выходе из здания. На улице шел мелкий, холодный московский дождь.

Он нашел источник. Он увидел человека, чья тень легла на язык законов, экспертиз и ведомственных инструкций, превращая светское государство в инструмент давления на инакомыслие. Но это знание не могло отменить решение суда в Нижнем Новгороде. Оно не могло вернуть Аминате визу. Система, запущенная этим человеком, уже работала автономно, перемалывая судьбы с холодным равнодушием промышленного пресса.

Алексей достал телефон. На экране светилось сообщение от Аминаты: «Я в общежитии. Собираю вещи. Комендант сказал, что завтра утром придут приставы».

Время на юридическую борьбу внутри страны истекло. Если закон написан теми, кто считает веру преступлением, а суды опираются на экспертизы людей, которые видят угрозу там, где должна начинаться свобода совести, значит, играть по их правилам больше не имело смысла.

Глава 8. Легитимность для преследования

Тяжелые капли дождя с глухим стуком разбивались о ржавую крышу заброшенного цеха на окраине промзоны в районе Волгоградского проспекта. Алексей перешагнул через лужу, в которой отражалось тусклое желтое свечение единственного работающего фонаря, и толкнул неприметную металлическую дверь без вывески. За ней скрывалась крутая бетонная лестница, ведущая на второй этаж, где располагался офис одной из немногих оставшихся в Москве независимых правозащитных организаций.

За столом, заваленным папками с судебными делами, сидел Григорий — уставший человек с глубокими тенями под глазами, бывший адвокат, лишенный статуса за излишнюю принципиальность в политических процессах. Алексей нашел его через закрытые чаты правозащитников. Это был единственный человек, который мог организовать безопасный и прямой канал связи с европейскими юристами, специализирующимися на делах о религиозной свободе.

— Проходи, садись, — Григорий кивнул на расшатанный стул, не отрываясь от настройки защищенного соединения на ноутбуке, экран которого был заклеен специальной антибликовой пленкой. — Я связался с Лораном. Он сейчас в Страсбурге. У нас есть около двадцати минут, пока его окно в расписании не закроется.

Алексей сел, чувствуя, как влажная куртка липнет к спине. В кармане лежал телефон, на который каждые полчаса приходили короткие сообщения от Аминаты. Она находилась в своей комнате в нижегородском общежитии, собирала вещи и ждала стука в дверь. Решение суда о принудительном выдворении вступило в силу. Судебные приставы могли прийти в любую минуту, чтобы отвезти ее в центр временного содержания иностранных граждан, а оттуда — к процедуре выдворения из страны.

На экране ноутбука появилось окно видеосвязи. Изображение немного рассыпалось на пиксели из-за сложной маршрутизации трафика через несколько VPN-

туннелей, но лицо Лорана — седеющего мужчины в строгом костюме на фоне книжных шкафов — было видно достаточно четко.

— Добрый вечер, Алексей, — голос французского юриста звучал с легким металлическим искажением. — Григорий вкратце обрисовал мне ситуацию вашей девушки. Статья 5.26, обвинение в незаконной миссионерской деятельности, немедленное выдворение за месяц до получения диплома врача.

— Мне нужно знать, как остановить это через Европейский суд по правам человека, — сразу перешел к делу Алексей, придвигаясь ближе к микрофону. — Должна быть процедура экстренной заморозки решения национального суда. Правило 39 регламента ЕСПЧ. Мы можем подать ходатайство о применении обеспечительных мер, чтобы запретить ее высылку до рассмотрения дела по существу.

Лоран тяжело вздохнул, снял очки в тонкой оправе и потер переносицу.

— Алексей, я понимаю ваше отчаяние. Но если дело происходит после выхода России из-под юрисдикции Европейского суда, этот путь уже закрыт. ЕСПЧ сохраняет компетенцию только по нарушениям, совершенным до определенной даты, а ваша ситуация возникла позже. Даже если бы Россия оставалась участником Конвенции, Правило 39 применялось бы только в исключительных случаях, когда существует неминуемый риск непоправимого вреда жизни или здоровью: пытки, смертная казнь, угроза жестокого обращения. Депортация студентки на родину сама по себе редко подпадает под эти критерии с точки зрения бюрократии Страсбурга. Обычная жалоба лежала бы в очереди годы, а у вас нет даже этого времени.

— Но это же абсурд! — Алексей ударил ладонью по колену. — Ее судят за слова. За интервью на крошечном канале. Это прямое нарушение права на свободу совести и выражения мнения. Вы же сами находитесь в центре Европы, вы должны видеть, что здесь происходит!

— Мы видим, — тихо ответил Лоран, надевая очки обратно. — Проблема в том, Алексей, что вы воспринимаете Европу как некую стерильную, безопасную гавань, свободную от той идеологии, которая сейчас уничтожает жизнь вашей девушки. Вы думаете, что методы подавления инакомыслия — это исключительно ваша локальная проблема. Но это глубокое заблуждение. То, с чем вы столкнулись, уже давно интегрировано в европейские институты.

Григорий, сидевший рядом, мрачно кивнул и повернул к Алексею второй монитор.

— Слушай Лорана внимательно. То, что он сейчас расскажет, не пишут в пресс-релизах Совета Европы.

— Вы пытались найти авторов той идеологии, которая легла в основу обвинения Аминаты, — продолжил французский юрист. — Вы знаете имена российских сектоведов. Но знаете ли вы, что эти люди не действуют в изоляции? Существует организация под названием FECRIS — Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве. Она зарегистрирована во Франции как некоммерческая ассоциация. И именно эта структура является одним из главных международных рупоров той самой риторики, от которой сейчас страдает Амината.

Алексей нахмурился.

— Европейская федерация? Какое отношение она имеет к российским судам?

— Самое прямое, — жестко произнес Лоран. — Это сообщающиеся сосуды. FECRIS имеет специальный консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете ООН и статус участия при Совете Европы. Европейские чиновники часто воспринимают их как респектабельных экспертов, защищающих общество от опасных культов. Но если вы посмотрите на состав руководства этой федерации за последние годы, вы увидите знакомые лица. Представители российской сети влияния активно участвовали в работе FECRIS, экспортируя свои методы подавления на Запад и получая взамен международную легитимность.

Лоран напечатал что-то на своей клавиатуре, и в чат видеоконференции упал текстовый файл. Григорий тут же открыл его на втором мониторе. Это была отсканированная страница из исследования, изданного в Европе.

— Посмотрите на этот документ, — голос Лорана стал сухим и академичным. — Это выдержка из исследования «Свобода религии или убеждений. Антисектантские движения и государственный нейтралитет. Тематическое исследование: FECRIS». Я процитирую вам один абзац, чтобы вы понимали масштаб финансовой и политической поддержки этой структуры. Читайте внимательно.

Алексей впился глазами в английский текст на экране, пока Лоран зачитывал его вслух:

«За последние десять лет FECRIS финансировалась почти полностью французским государством в виде специального финансирования со стороны премьер-министра.

Соотношение государственного финансирования со стороны французского государства по сравнению с частными членскими взносами и пожертвованиями с 2001 года составляло в среднем 92 процента. FECRIS имеет три ассоциации-члена во Франции, которые также почти полностью финансируются французским государством или государственными учреждениями».

— Девяносто два процента бюджета от правительства Франции, — повторил Лоран, делая паузу, чтобы цифры осели в сознании Алексея. — Европейские налогоплательщики финансируют организацию, которая использует язык стигматизации и борьбы с «сектами», очень похожий на тот, что звучит в российских экспертных советах.

Алексей почувствовал, как холодная ярость поднимается от желудка к горлу.

— Вы хотите сказать, что люди, которые пишут экспертизы для преследования верующих в России, сидят за одними столами с европейскими чиновниками?

— Они не просто сидят за одними столами, Алексей. Они участвуют в формировании повестки, — Лоран вывел на экран новую порцию данных. — Давайте обратимся к фактам. В две тысячи девятом году в Санкт-Петербурге прошел крупный антисектантский симпозиум. Именно там, на российской земле, был избран новый руководящий состав европейской федерации FECRIS. И знаете, кто стал вице-президентом этой европейской организации? Главный российский сектовед. Человек, чья риторика легла в основу подхода, по которому осудили Аминату. Он занимал пост вице-президента FECRIS многие годы после этого.

Григорий открыл следующую вкладку, демонстрируя архивные фотографии. На снимках были запечатлены люди в строгих костюмах и православные священники, стоящие в богато украшенных залах.

— Этот симпозиум две тысячи девятого года был не просто научной конференцией, — пояснил Лоран. — Это была демонстрация сближения государственной власти, церкви и международного антисектантского движения. Во время этого мероприятия министр юстиции Российской Федерации встречался с руководством FECRIS. После официальной части европейские делегаты вместе с российскими функционерами посещали храмы, участвовали в религиозных мероприятиях. Это был символический триумф экспорта нетерпимости. И результат не заставил себя ждать: в том же году

FECRIS получила специальный консультативный статус при Экономическом и Социальном Совете ООН.

Алексей смотрел на фотографии. Лица людей, уверенных в своей абсолютной правоте. Они выстроили транснациональную сеть, которая работала безупречно. В России они использовали мощь государственного аппарата и силовых структур для подавления инакомыслящих. А в Европе надевали маски респектабельных экспертов, получали поддержку от французского государства и выступали на международных площадках.

— Европейские чиновники часто не осознают репрессивной природы этих советов, — продолжал Лоран, и в его голосе слышалась горечь человека, годами бьющегося головой о бюрократическую стену. — Для бюрократа в Брюсселе или Страсбурге FECRIS — это просто светская неправительственная организация, защищающая психологическое здоровье граждан. Они не видят или не хотят видеть, что под вывеской защиты может скрываться идеология контроля.

Лоран переключил слайд. На экране появилась афиша мероприятия.

— Посмотрите на это. Две тысячи восемнадцатый год. Рига, столица Латвии, государства-члена Европейского Союза. Проходит крупная конференция. В зале присутствуют депутаты Европейского парламента, представители французской межминистерской миссии MIVILUDES — официального государственного органа Франции. И на этой же сцене, за одним столом с ними, сидят представители FECRIS, включая участников из России. Они обмениваются опытом. Они синхронизируют свои нарративы. Они обсуждают, как эффективнее ограничивать деятельность новых религиозных движений.

Алексей откинулся от стола, чувствуя физическую дурноту. Иллюзия справедливого международного права рассыпалась на его глазах, превращаясь в пыль. Он надеялся найти в Европе защиту от системы, которая перемалывала Аминату. Но Европа сама была частично заражена этой идеологией. Те же самые термины — «деструктивный культ», «психологическое манипулирование», «духовная безопасность» — звучали на европейских площадках почти так же уверенно, как и в залах российских судов.

— Представитель французской государственной миссии MIVILUDES Лоранс Пейрон выступала на одной сцене с российскими идеологами в Риге в две тысячи

восемнадцатом году, — методично перечислял факты Лоран. — В две тысячи девятнадцатом году в Париже другой представитель этой же миссии, Анн-Мари Кураж, также делила сцену с ними. Это не случайные встречи. Это системная, многолетняя интеграция. Российская сеть влияния использовала европейские площадки для легитимизации своих действий внутри страны. Когда российские суды выносят решения о депортации таких людей, как Амината, они всегда могут сказать: «Смотрите, мы действуем в русле европейских тенденций. Сама Европа поддерживает борьбу с сектами».

В кармане Алексея завибрировал телефон. Он вздрогнул, вытащил аппарат и разблокировал экран. Сообщение от Аминаты. Одно короткое предложение, набранное дрожащими пальцами, с опечаткой в последнем слове: «Они приехали. Стоят в коридоре с комендантом. Леша, мне страшно».

Алексей уставился на эти буквы. Вся глобальная геополитика, статусы при ООН, миллионные бюджеты французского правительства, симпозиумы в Риге и Санкт-Петербурге — все это в одну секунду сжалось до размеров узкого коридора в нижегородском общежитии, где прямо сейчас несколько человек в форме пришли забрать будущее у девушки, которая просто хотела лечить людей.

— Алексей? — голос Лорана вырвал его из оцепенения. — Вы меня слышите?

— Слышу, — хрипло ответил Алексей, поднимаясь со стула. Он посмотрел в камеру, прямо в глаза французскому юристу. — Правового пути нет. Ни здесь, ни у вас. Система замкнута сама на себя.

— Правовой путь требует времени, которого у вас нет, — мягко, но непреклонно поправил Лоран. — Если ее передадут приставам и отвезут в спецприемник, процесс станет почти необратимым. Ее могут быстро посадить на рейс. Единственный способ остановить выдворение на этой стадии — сделать так, чтобы она легально покинула территорию страны до того, как ее принудительно вывезут. Но для этого у нее должно быть законное основание для въезда в другое государство. Прямо сейчас. Сегодня.

Экран телефона Алексея погас, погрузив часть стола в темноту. Дождь продолжал барабанить по крыше заброшенного цеха, отсчитывая секунды, которых у них больше не оставалось. В комнате повисла тяжелая тишина, нарушаемая лишь гудением серверов Григория, обрабатывающих зашифрованный трафик, — тот самый трафик, который

государство собирало миллионами терабайт, пока настоящая угроза спокойно заседала в европейских комитетах.

Глава 9. Билет в один конец

Экран телефона погас, погрузив часть стола в темноту. Дождь продолжал барабанить по крыше заброшенного цеха, отсчитывая секунды, которых у них больше не оставалось. Сообщение от Аминаты горело в сознании Алексея ярким, пульсирующим сигналом тревоги. «Они приехали. Стоят в коридоре с комендантом».

Алексей схватил телефон и нажал кнопку вызова. Гудки тянулись невыносимо долго. Наконец, на том конце раздался прерывистый шепот.

— Леша… они стучат. Комендант просит открыть дверь.

— Ами, слушай меня очень внимательно, — голос Алексея звучал неестественно ровно, вся паника была загнана глубоко внутрь. — Не открывай. Скажи через дверь, что ты переодеваешься. Что тебе нужно пять минут.

— Что мне делать?

— Твой паспорт, зачетка, справки из деканата. Они у тебя в рюкзаке?

— Да, я все собрала, как мы договаривались после суда.

— Окно. Ты на втором этаже. Там пожарная лестница выходит прямо во внутренний двор, за мусорные баки. Одевайся, бери рюкзак и спускайся. Тихо, без резких движений.

На фоне в трубке послышался глухой удар в дверь и недовольный мужской голос.

— Ами, сейчас! — скомандовал Алексей. — Как спустишься, иди не к центральным воротам, а через дыру в заборе за котельной. Вызывай такси на соседнюю улицу, не на адрес общежития. Поезжай на вокзал. Я куплю тебе билет на ближайший ночной поезд до Москвы.

Связь прервалась. Алексей поднял глаза на Григория. Правозащитник уже закрыл окно видеоконференции с европейским юристом и быстро печатал что-то в терминале своего ноутбука.

— Приставы пришли, — коротко сказал Алексей. — Она уходит через окно.

— Если они оформят задержание физически, мы ее потеряем, — мрачно констатировал Григорий, не отрываясь от экрана. — Она попадет в СУВСИГ — специальное учреждение временного содержания иностранных граждан. По сути, это изолятор. Оттуда ее могут очень быстро отправить к процедуре принудительного выдворения.

Григорий развернулся к Алексею. В тусклом свете настольной лампы его лицо казалось высеченным из серого камня.

— Ты должен понимать юридическую реальность. Решение о выдворении по статье 5.26 может повлечь запрет на въезд и фактически перечеркнуть ее возможность спокойно завершить обучение. Формально документы об учебе никуда не исчезают, но на практике после выдворения, отмены регистрации и потери статуса студентки вернуться к диплому будет почти невозможно. Для государственной системы она теперь — угроза безопасности.

Алексей подошел к окну. За мутным стеклом расплывались огни ночной Москвы.

— Должен быть выход. Лоран сказал, что единственный способ — легально покинуть территорию страны до принудительного выдворения. Но у нее нет визы ни в одну другую страну. Куда она полетит? В Нигерию? Это значит сдаться.

— Бюрократическая система неповоротлива, — произнес Григорий, открывая новую вкладку в браузере. — Это ее главная слабость. Суд вынес решение сегодня утром. Бумаги передали приставам. Но базы данных Пограничной службы ФСБ и Федеральной службы судебных приставов не всегда синхронизируются мгновенно. Документооборот, межведомственные согласования, выгрузка электронных реестров — все это может занимать время. Иногда сутки, иногда больше.

Правозащитник постучал пальцем по столу.

— Это дает нам небольшое окно возможностей для легального выезда. Если Амината пройдет пограничный контроль в аэропорту до того, как ее фамилия окажется в стоп-листе, она покинет страну добровольно. Не как депортированная в

сопровождении. Но для этого ей нужно законное основание для въезда в другую страну. Прямо сейчас.

— Туристическую визу делают неделями, — Алексей вернулся к столу, открывая свой ноутбук. — У нас нет этого времени.

— Нам не нужна туристическая виза. Нам нужна академическая эвакуация.

Григорий придвинул к Алексею блокнот.

— Европейские университеты имеют программы экстренной поддержки для студентов и ученых, преследуемых по политическим или религиозным мотивам. Это инициативы вроде Scholars at Risk и университетских программ академической солидарности. Они не выдают визы сами, но могут быстро дать официальное приглашение, гарантийное письмо и контакт для консульства. Амината — без пяти минут врач. У нее отличные оценки. И у нас есть главное доказательство.

— Решение суда, — понял Алексей.

— Именно. Тот самый документ, который должен был ее уничтожить, станет ее билетом. Переводи постановление на английский. Я дам тебе прямые контакты координаторов международных программ в Свободном университете Берлина и в клинике Шарите. Пиши им напрямую. Никаких общих почтовых ящиков.

Следующие три часа слились для Алексея в единый, непрерывный поток концентрации. Он переводил сухие, казенные формулировки российского суда на английский язык. «Осуществление публичного распространения религиозных убеждений…», «штраф с принудительным выдворением…». Каждое слово казалось диким, нереальным, но именно этот абсурд сейчас работал на них.

Параллельно он отслеживал геолокацию Аминаты. Зеленая точка на карте медленно ползла по ночному Нижнему Новгороду, затем замерла на Московском вокзале. В 01:45 пришло короткое сообщение: «Я в поезде. Проводница проверила билет, паспорт не сканировала. Едем».

Алексей выдохнул и нажал кнопку «Отправить». Письма с пометкой «URGENT: Academic Evacuation / Religious Persecution» улетели на серверы немецких университетов. К ним были прикреплены сканы зачетной книжки Аминаты, справки из деканата и переведенное постановление суда.

Теперь оставалось только ждать.

Утро встретило Москву низкими свинцовыми облаками и пронизывающим ветром. Алексей стоял на перроне Казанского вокзала, вглядываясь в толпу пассажиров, выходящих из прибывшего нижегородского поезда.

Он увидел ее издалека. Амината шла медленно, ссутулившись под тяжестью рюкзака. Ее желтый шарф потемнел от влаги. В глазах застыл страх человека, который всю ночь вздрагивал от каждого шага проводника в коридоре вагона.

Алексей бросился к ней, обхватил руками, прижимая к себе. Она дрожала.

— Они открыли дверь в комнату, когда я уже бежала по двору, — прошептала она ему в плечо. — Я видела мигалки машины из-за забора. Леша, у меня ничего не осталось. Только этот рюкзак.

— У тебя есть твое будущее, — твердо сказал он, забирая у нее тяжелую сумку. — Мы едем в посольство.

В такси по дороге на Мосфильмовскую улицу, где располагался консульский отдел посольства Германии, телефон Алексея издал короткий звуковой сигнал. Пришло письмо.

Он открыл почту. Отправитель — координатор программы защиты академических свобод клиники Шарите. Текст был коротким и сухим, но для Алексея он прозвучал как симфония.

Комиссия рассмотрела документы. Учитывая выдающуюся успеваемость студентки и предоставленные доказательства прямого нарушения базовых прав на свободу совести, университет готов немедленно зачислить Аминату в экстренную академическую программу под научным кураторством клиники с последующим рассмотрением ее кандидатуры на исследовательский трек. Официальное электронное приглашение и гарантийное письмо для консульства были прикреплены во вложении.

— Ты не отчисленная студентка, Ами, — Алексей повернул к ней экран телефона. — Ты будущий участник академической программы берлинской клиники.

Консульский отдел был заполнен людьми, ожидающими своих очередей на подачу документов. Но у Алексея были четкие инструкции от немецкой стороны. Они подошли к окну экстренных гуманитарных случаев.

Сотрудник консульства, строгий мужчина в очках, внимательно изучил распечатанное приглашение от университета, затем взял в руки перевод решения

нижегородского суда. Он читал его несколько минут, хмурясь все сильнее. Для европейского чиновника текст, в котором человека приговаривают к выдворению за рассказ о своей вере в интернете, выглядел как документ из другой исторической эпохи.

— Подождите здесь, — сотрудник забрал паспорт Аминаты и скрылся за матовой стеклянной дверью.

Ожидание длилось сорок минут. Амината сидела на пластиковом стуле, сцепив руки так сильно, что костяшки пальцев побелели. Алексей стоял рядом, постоянно проверяя время. Окно возможностей стремительно сужалось. С момента вынесения решения суда прошло больше суток. Базы данных пограничников могли обновиться в любую секунду.

Стеклянная дверь открылась. Сотрудник вернулся к окну и просунул в лоток зеленый паспорт с золотым гербом Нигерии. На одной из страниц светилась свежая, только что вклеенная национальная виза категории D.

— Это исключительное решение, принятое по гуманитарно-академическому каналу, — сухо произнес сотрудник, но в его голосе слышалась едва заметная теплота. — Университет ждет вас. Удачи.

Алексей купил билет на ближайший рейс до Стамбула с дальнейшей пересадкой на Берлин прямо с телефона, пока они ехали в Шереметьево. Вылет был назначен на 16:30.

Терминал D встретил их ярким светом, гулом голосов и объявлениями по громкой связи. Они быстро прошли регистрацию. Амината сдала свой единственный рюкзак в багаж. Настало время самого страшного этапа.

Зона пограничного контроля. Ряды стеклянных кабин, за которыми сидели люди в форме. Именно здесь, в этих компьютерах, находилась та самая база данных. Если система уже синхронизировалась с реестром судебных приставов, экран пограничника выдаст запрет или требование дополнительной проверки. Аминату задержат прямо здесь, не выпустят из страны и отправят в спецприемник.

Они стояли перед желтой линией.

— Я пойду с тобой до самой черты, — тихо сказал Алексей, сжимая ее руку.

Амината глубоко вдохнула, поправила шарф, который успел высохнуть и снова стал ярким, и шагнула к свободной кабине.

Алексей остался стоять за линией, наблюдая за происходящим. Расстояние было всего несколько метров, но оно казалось непреодолимой пропастью.

Амината протянула паспорт и посадочный талон в узкое окно. Женщина-пограничник с равнодушным лицом взяла документы. Открыла страницу с фотографией. Посмотрела на Аминату. Снова на паспорт.

Затем она положила документ на сканер. Алексей перестал дышать. Он знал, как работают эти системы. Запрос уходит на центральный сервер, пробивает идентификатор по десяткам таблиц: розыск, долги, запрет на выезд, решение о выдворении. Ответ возвращается за доли секунды.

Пограничник смотрела в монитор. Секунда. Две. Три. Она нахмурилась и что-то напечатала на клавиатуре. Алексей почувствовал, как земля уходит из-под ног. Неужели не успели? Неужели база обновилась, пока они ехали в аэропорт?

Женщина за стеклом взяла лупу и внимательно посмотрела на свежую немецкую визу. Затем она отложила лупу, взяла печать и с громким, сухим стуком опустила ее на страницу паспорта.

— Счастливого пути, — дежурной скороговоркой произнесла она, возвращая документы.

Стеклянные створки турникета плавно разъехались в стороны.

Амината сделала шаг вперед. Она прошла в транзитную зону. Государственная машина, со всеми ее терабайтами данных, скрытыми поправками и безжалостными судами, сомкнула свои челюсти в пустоте. Бюрократическая задержка спасла будущее. Амината покидала страну не как преступница в наручниках, а как свободный человек, будущий врач и исследователь, чьи знания и талант теперь будут принадлежать другому миру.

Она обернулась. Между ними было толстое стекло и несколько метров пространства аэропорта. По ее щекам текли слезы, но на губах играла та самая ослепительная улыбка, которую Алексей увидел в день их первой встречи на набережной Волги. Она прижала ладонь к стеклу. Алексей сделал то же самое со своей стороны.

Она одними губами произнесла: «Я люблю тебя», развернулась и пошла в сторону выходов на посадку, растворяясь в толпе пассажиров.

Алексей стоял у желтой линии, пока ее силуэт окончательно не исчез из виду. Личная победа была одержана. Он вырвал одного человека из слепого, перемалывающего потока. Но когда он развернулся и пошел к выходу из терминала, навстречу серому московскому небу, в его кармане лежал телефон с копиями документов, стенограмм и судебных решений. Система, заставившая его девушку бежать из страны, продолжала работать, методично выискивая новые цели среди миллионов ничего не подозревающих людей. И теперь Алексей точно знал, как именно она функционирует.

Глава 10. Европейский эхо-кабинет

Заявление об увольнении по собственному желанию легло на стол начальника смены ровно в девять утра. Алексей не стал дожидаться окончания положенного по закону срока отработки, просто оставил на столе свой магнитный пропуск, развернулся и вышел из здания дата-центра. Гудение серверов, хранивших петабайты зашифрованного, мертвого трафика, осталось позади, но в голове Алексея оно продолжало звучать назойливым фоновым шумом.

На экране его смартфона светилась фотография, присланная несколько часов назад. Амината стояла на фоне кирпичного здания клиники Шарите в Берлине. На ней было легкое осеннее пальто, а ее знаменитый желтый шарф развевался на ветру. Она улыбалась. В ее глазах больше не было того страха, который Алексей видел на перроне Казанского вокзала. Она получила студенческий билет, место в лаборатории и право на будущее. Личная битва была выиграна.

Но Алексей знал, что это лишь локальная эвакуация из зоны поражения. Сама зона продолжала расширяться.

Спустя три дня он сидел в кресле скоростного поезда, пересекающего границу между Германией и Бельгией. За окном мелькали ухоженные фермерские поля, ветряные генераторы и аккуратные европейские городки. Пейзаж дышал спокойствием, стабильностью и многовековой уверенностью в незыблемости демократических институтов. Именно эта уверенность, как теперь понимал Алексей, делала Европу уязвимой перед теми, кто приходит под видом защиты.

Брюссель встретил его мелким моросящим дождем и плотным трафиком. Европейский квартал возвышался над старым городом монолитами из стекла и бетона. Здания Европейского парламента, Европейской комиссии и Совета Европейского союза были спроектированы так, чтобы символизировать прозрачность и открытость. Огромные окна, просторные атриумы, отсутствие глухих заборов.

Алексей зашел в небольшую брассерию на площади Люксембург, заказал черный кофе и открыл ноутбук. Через десять минут к его столику подошел Томас — независимый исследователь и журналист, специализирующийся на изучении транснационального лоббизма. Они познакомились на закрытом форуме по цифровой безопасности, и именно Томас согласился провести Алексея в кулуары европейской бюрократии.

Томас, высокий худощавый бельгиец в потертом вельветовом пиджаке, сел напротив и сразу выложил на стол толстую папку с распечатками.

— Ты проделал долгий путь, Алексей, — произнес Томас, пододвигая к себе чашку с кофе. — Я читал твои заметки о том, как принимались поправки в вашей стране. Процедурные нарушения, ночные голосования, использование антитеррористической риторики для подавления свободы совести. Это классический силовой захват правового поля. Но здесь, в Брюсселе, все работает тоньше.

Томас открыл папку и достал документ с официальным гербом.

— Это отчет Комиссии США по международной религиозной свободе за две тысячи двадцатый год. Официальный правительственный документ. Я хочу, чтобы ты прочитал один конкретный абзац. Он объясняет, почему то, что произошло с твоей девушкой, не является локальной аномалией.

Алексей взял лист бумаги. Текст на английском языке был выделен желтым маркером. Он прочитал вслух:

— «Антикультовое движение и риторика российского государства заметно слились воедино в течение последующего десятилетия».

— Именно, — кивнул Томас. — Слияние. Государство интегрировало терминологию частных идеологов в свой репрессивный аппарат. Но этот отчет фиксирует уже сложившийся факт на одной конкретной территории. Чего многие аналитики тогда не осознавали в полной мере, так это того, что данная территория могла

стать испытательным полигоном. Обкатав методы стигматизации и административного давления, эта сеть начала искать международное признание на Западе.

Томас достал следующий документ. Это была академическая статья, опубликованная в европейском социологическом журнале.

— Чтобы понять, что именно они экспортируют, нужно отказаться от привычных представлений о репрессиях. Мы привыкли думать, что уничтожение группы людей — это всегда вооруженные люди, ночные аресты и лагеря. Но в исследованиях структурного насилия есть другой подход. Прочитай вот эту цитату.

Алексей всмотрелся в убористый шрифт научной публикации:

— «Практики постепенного разрушения группы могут осуществляться через тонкие формы структурного насилия, которые разрушают группу посредством постепенных мер. Примерами являются подрыв доступа к предметам первой необходимости, таким как работа, жилье, школьное образование, питание и медицинские услуги, или постепенные исчезновения».

— Структурное выдавливание, — повторил Томас, глядя Алексею в глаза. — Это более точная формулировка того, что могут лоббировать структуры, подобные европейским антикультовым федерациям. Они не призывают к физическим расправам с трибун. Они приходят в европейские министерства и говорят: «Мы должны защитить наших граждан от психологического манипулирования». Они предлагают создавать списки «деструктивных групп». Они требуют ограничить доступ представителей религиозных меньшинств к преподаванию в школах, к государственной службе, к аренде помещений. Они создают условия, при которых человек, верящий не так, как предписано неким экспертным советом, постепенно выдавливается из социума. Он может потерять работу, столкнуться с отказом в услугах, а его дети — с травлей.

Алексей вспомнил суд в Нижнем Новгороде. Судья не кричала на Аминату. Прокурор не угрожал ей физической расправой. Все было сделано предельно вежливо, в рамках административного кодекса. Ее просто лишили права на профессию и вышвырнули из страны за слова о Боге. Структурное насилие в чистом виде.

— Но как европейские политики могут этого не замечать? — спросил Алексей, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение. — У вас же есть Европейский суд по правам человека, Венецианская комиссия, сотни правозащитных институтов.

— Потому что методы скрытого влияния универсальны, — горько усмехнулся Томас. — Они бьют в самую уязвимую точку любой демократии — в страх за безопасность. Когда лоббист приходит к евродепутату и говорит, что некая группа угрожает психологическому здоровью нации, депутат не хочет разбираться в теологических тонкостях. Он хочет показать избирателям, что он их защищает. Риторика «защиты граждан» звучит в европейских кабинетах убедительно именно потому, что прикрывается гуманными словами.

Томас достал из папки газетную вырезку. На фотографии был запечатлен мужчина, окруженный полицейскими.

— Ты думаешь, это ограничивается только законами и бюрократией? Посмотри на это. Покушение на премьер-министра Словакии Роберта Фицо. Стрелок — Юрай Цинтула. Пресса писала о нем как об одиноком радикале, человеке с противоречивыми политическими взглядами, который действовал по собственной инициативе. Но если проанализировать его слова, становится видно, как сильно информационная среда может влиять на личный мотив.

Томас указал ручкой на подчеркнутую цитату в статье.

— После задержания Цинтула произнес фразу о том, что не согласен с политикой правительства, и отдельно упомянул СМИ: «Они ликвидируют средства массовой информации». Он говорил о RTVS — словацкой телерадиокомпании, вокруг которой тогда шел острый политический конфликт.

И именно через подобные медиа в Восточной Европе годами транслировались нарративы, разработанные антикультовой сетью. Они используют средства массовой информации для проведения масштабных информационных атак. Они создают образ врага, нагнетают истерию, программируют аудиторию на ненависть.

Томас подался вперед, понизив голос.

— Цинтула не был просто абстрактным политическим мстителем. Он был человеком, на которого подействовала токсичная информационная среда. Пропаганда любого типа работает как спусковой крючок: она находит уязвимых людей и направляет их агрессию в нужное русло. В Словакии это привело к выстрелам в премьер-министра. Информационная радикализация конвертировалась в физическое насилие. И те, кто годами формирует такие повестки, часто остаются в тени, продолжая носить маски респектабельных экспертов.

Алексей допил остывший кофе.

— Куда мы сейчас идем? — спросил он, закрывая ноутбук.

— В здание Европейского парламента, — ответил Томас, собирая бумаги. — Сегодня там проходит открытое заседание комитета по вопросам гражданских свобод. В повестке дня — обсуждение новых рекомендаций по противодействию радикализации и психологическому насилию. Я оформил тебе гостевой пропуск как своему ассистенту. Ты должен увидеть это своими глазами.

Они вышли под моросящий дождь и направились к массивному комплексу зданий. Процедура досмотра была строгой, но вежливой. Металлоискатели, проверка паспортов, выдача пластиковых бейджей на синих лентах. Внутри здание поражало своими масштабами. Широкие коридоры, устланные мягким ковролином, приглушающим шаги. Стеклянные лифты, бесшумно скользящие между этажами. Группы людей в дорогих костюмах, тихо беседующие за чашками эспрессо в зонах отдыха.

Алексей и Томас поднялись на третий этаж и вошли в зал заседаний. Это было просторное помещение в форме амфитеатра. В центре располагался президиум, от которого полукругом расходились ряды столов из светлого дерева. На каждом рабочем месте светился экран микрофона и лежал наушник для синхронного перевода.

Они заняли места на балконе для прессы и наблюдателей. Зал постепенно заполнялся. Депутаты из разных стран Европы рассаживались по своим местам, переговаривались, просматривали документы на планшетах. Атмосфера была рутинной, почти скучной. Никакого напряжения, никаких криков или споров. Обычный рабочий день европейской бюрократии.

Ровно в четырнадцать ноль-ноль председательствующий, седой француз в строгом галстуке, открыл заседание. После нескольких формальных процедур он объявил первого докладчика.

— Слово предоставляется приглашенному эксперту, представителю европейской федерации по исследованию сектантства, для доклада о новых вызовах защиты граждан от психологического давления в Европейском Союзе.

К трибуне подошла женщина средних лет в строгом темно-синем костюме. Она поправила очки, включила микрофон и разложила перед собой листы с речью.

Алексей надел наушник. В правом ухе зазвучал ровный, профессиональный голос переводчика на английский язык.

— Уважаемые члены комитета, — начала женщина, и ее голос эхом разнесся по залу. — Сегодня Европа сталкивается с беспрецедентной угрозой. Эта угроза не носит оружия и не пересекает наши границы на танках. Она проникает в умы наших граждан, разрушая семьи, подрывая традиционные ценности и угрожая самому фундаменту нашего светского общества. Я говорю о деструктивных культах и организациях, использующих методы психологического манипулирования.

Алексей замер. Он уже слышал эти слова. Он слышал их в душной аудитории ведомственного института в Москве, когда сидел на заднем ряду и записывал на диктофон лекцию человека, чья идеология сломала жизнь Аминате. Интонации, паузы, смысловые акценты — все было пугающе похожим.

— Мы наблюдаем, как эти группы маскируются под образовательные курсы, благотворительные фонды и языковые школы, — продолжала докладчица, уверенно глядя на депутатов. — Они используют уязвимость людей, особенно молодежи и мигрантов, чтобы вовлечь их в свои сети. Наше законодательство, основанное на абсолютной свободе вероисповедания, оказалось не готово к такому вызову. Свобода не должна быть щитом для тех, кто осуществляет скрытый контроль над сознанием.

Томас, сидевший рядом, слегка толкнул Алексея локтем и указал на зал.

Алексей посмотрел вниз. Европейские политики слушали внимательно. Некоторые делали пометки в блокнотах. Никто не возмущался. Никто не задавал вопросов о том, кто именно будет определять критерии «деструктивности». Никто не требовал научных доказательств существования «контроля над сознанием».

— Мы призываем европейские институты разработать единый рамочный подход, — голос женщины с трибуны стал жестче, приобретая металлические нотки. — Нам необходим правовой инструментарий, который позволит превентивно ограничивать деятельность подобных групп. Мы должны ввести механизмы оценки рисков для публичной деятельности организаций, действующих вне традиционных конфессий. Общество имеет право на защиту.

Оценка рисков для публичной религиозной активности. Первый шаг к разрешительным документам на разговор о вере.

Алексей закрыл глаза. Перед его внутренним взором всплыл казенный лист протокола об административном правонарушении. Статья 5.26. Осуществление миссионерской деятельности без документа, подтверждающего полномочия. То, что в России было вписано в закон под покровом ночи, в обход всех процедур, здесь, в сердце Европы, предлагалось с высокой трибуны, при ярком свете ламп, под вежливые кивки защитников демократии.

Структуры, подобные этой федерации, продолжали лоббировать ограничительные подходы на европейском уровне, используя ту же самую дымовую завесу заботы о безопасности. Общество в Европе, как и ранее в России, рисковало не заметить угрозу свободе вероисповедания за фасадом красивых слов о защите уязвимых слоев населения.

Докладчица закончила свое выступление. Зал ответил вежливыми, сдержанными аплодисментами. Председательствующий поблагодарил эксперта за «глубокий и своевременный анализ» и предложил перейти к обсуждению проекта резолюции.

Алексей снял наушник. Ему больше не нужно было слушать перевод. Он знал, какие слова будут сказаны дальше. Он знал, как такие резолюции могут превращаться в рекомендации, как рекомендации становятся национальными инициативами, и как эти инициативы однажды стучатся в двери обычных людей, которые просто решили собраться вместе, чтобы помолиться или прочитать книгу.

Он встал со своего места и тихо вышел из зала на балкон, опоясывающий внутренний двор здания.

Дождь закончился. Сквозь разрывы в серых облаках пробивались бледные лучи солнца, освещая мокрый асфальт площади. За окном жил своей обычной жизнью европейский город. По тротуарам спешили клерки с бумажными стаканчиками кофе. Студенты ехали на велосипедах. Туристы фотографировали стеклянные фасады институтов власти. Люди шли по улице, переписывались в мессенджерах, разговаривали по телефонам, смеялись и спорили.

Они были уверены в своей свободе. Они верили, что их права защищены толстыми томами конституций и хартий. Они не подозревали, что прямо сейчас, в красивом зале с синими коврами, их будущее могут аккуратно переписывать люди, для которых любая независимая мысль кажется угрозой.

Алексей прижался лбом к холодному стеклу. В его кармане лежал телефон с фотографией Аминаты, спасенной из-под удара системы. Но глядя на этот спокойный,

сытый, ничего не подозревающий город, он понимал, что просто убежать недостаточно. Тень, от которой они скрылись, уже присутствовала и здесь.

В России это начиналось так же.

Источники

1. Hattori, M. (2018, February 26). ロシアにおけるテロ事件数の推移 [Trends in the number of terrorist incidents in Russia]. ユーラシアリサーチ 服部倫卓ブログ. https://www.hattorimichitaka.net/archives/2018-02-26.html

2. Multiurok. Теоретический материал по теме: Терроризм. Retrieved May 27, 2026, from https://multiurok.ru/files/teoreticheskii-material-po-teme-terrorizm.html

3. StatBase. Количество террористических атак: Россия. Retrieved June 27, 2026, from https://statbase.ru/data/rus-number-of-terrorist-incidents/

4. Tomsk Polytechnic University. (2024, January 31). Number of terrorism-related crimes registered in Russia from 2010 to 2023 [Graph]. Statista. https://www.statista.com/statistics/1044909/russia-number-of-terrorist-related-crimes/

5. Tomsk Polytechnic University. (2024, January 31). Number of recorded terrorist acts in Russia from 2010 to 2023 [Graph]. Statista. https://www.statista.com/statistics/1033366/russia-number-of-recorded-terrorist-acts/

6. Редакция «Вёрстки». (2026, 2 февраля). МВД насчитало 2472 теракта в России за год, почти столько же зафиксировали за предыдущие 20 лет. Вёрстка. https://verstka.media/mvd-naschitalo-za-2025-god-stolko-zhe-teraktov-skolko-za-predydushhie-20-let

7. Администрация Президента России. (2018, 18 декабря). Заседание коллегии Министерства обороны. http://kremlin.ru/events/president/news/59374

8. Взгляд. (2018, 18 декабря). Религиовед прокомментировал высказывание Путина о «Свидетелях Иеговы». https://vz.ru/news/2018/12/18/955841.html

9. Ведомости. (2019, 10 декабря). Операторы связи потратили на оборудование для закона Яровой 10 млрд рублей. https://www.vedomosti.ru/business/news/2019/12/10/818309-operatori-svyazi-kupili-oborudovanie-rosteha

10. Виноградова, Е., Кантышев, П., & Серьгина, Е. (2016, 21 августа). Кто может заработать на законе Яровой. Ведомости.

https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/08/22/653895-kto-zarabotaet-zakone-yarovoi

11. Габриелян, В. (2016, 23 июня). Закон Яровой: шесть ударов по интернет-отрасли. РБК. https://www.rbc.ru/opinions/business/23/06/2016/576be9c99a79470862790d2d

12. Гаврилко, М. (2016, 5 июля). Инструкция для доносчика: в «пакете Яровой» таится еще одна бомба. Московский комсомолец. https://www.mk.ru/politics/2016/07/05/instrukciya-dlya-donoschika-v-pakete-yarovoy-taitsya-eshhe-odna-bomba.html

13. Гробман, Е., & Самохина, С. (2016, 13 мая). Борьбу Ирины Яровой с терроризмом подвергли критике. Коммерсантъ. https://www.kommersant.ru/doc/2984588

14. Интерфакс. (2016, 7 июля). Сноуден назвал подписание «пакета Яровой» черным днем для России. https://www.interfax.ru/world/517397

15. Интерфакс. (2021, 10 марта). За 10 лет число террористических преступлений в РФ упало в 260 раз. https://www.interfax.ru/russia/755351

16. Интерфакс-Россия. (2019, 18 апреля). Матвиенко заявила о 100-кратном сокращении числа терактов в РФ за 10 лет. https://www.interfax-russia.ru/main/matvienko-zayavila-o-100-kratnom-sokrashchenii-chisla-teraktov-v-rf-za-10-let

17. Иванова, А. (2019, 18 июля). За год применения закон Яровой угодил в патовую ситуацию. Телеспутник. https://telesputnik.ru/materials/tekhnika-i-tekhnologii/article/za-god-primeneniya-zakon-yarovoy-ugodil-v-patovuyu-situatsiyu

18. Козлов, В., Рустамова, Ф., Рубин, М., & Стародубцева, М. (2016, 23 июня). Госдума в последний момент решила поправить норму о лишении гражданства. РБК. https://www.rbc.ru/politics/23/06/2016/576aff4a9a7947d32fbae67f

19. Коммерсантъ. (2016, 24 июня). Что нужно знать о «пакете Яровой». https://www.kommersant.ru/doc/3022832

20. Ларюэль, М. (2015, 1 декабря). The nature and sources of terrorist threat in Russia: An “armed underground” or ISIL? PONARS Eurasia. https://www.ponarseurasia.org/the-nature-and-sources-of-terrorist-threat-in-russia-an-armed-underground-or-isil/

21. Мухаметшина, Е. (2017, 25 января). «Закон Яровой» предложили отделить от религии. Ведомости. https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/01/25/674856-zakon-yarovoi-religii

22. Настоящее Время. (2016, 20 июня). Депутаты предложили штрафовать мессенджеры за отсутствие «закладки» для ФСБ. https://www.currenttime.tv/a/27809255.html

23. Олейник, С. (2025, 13 июля). Как выросло в России число зарегистрированных терактов. Инфографика. РБК. https://www.rbc.ru/politics/13/07/2025/687153669a7947a67e3030a3

24. РБК. (2017, 17 февраля). Операторы предложили перенести срок исполнения «закона Яровой». https://www.rbc.ru/business/17/02/2017/58a6727f9a794740d6b083d8

25. Руксперт. (2021, 4 июля). Статистика: Численность терактов в России. https://ruxpert.ru/Статистика:Численность_терактов_в_России

26. Самохина, С., & Токарева, А. (2016, 24 июня). Госдума приняла антитеррористический «пакет Яровой». Коммерсантъ. https://www.kommersant.ru/doc/3020489

27. Серьгина, Е. (2016, 15 июля). Путин поручил организовать в России производство оборудования для исполнения закона Яровой. Ведомости. https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/07/15/649300-vladimir-putin-poruchil-organizovat-proizvodstvo-oborudovaniya-dlya-ispolneniya-zakona-yarovoi

28. Филимонов, В. П. (2017, 5 июля). Яровой хотят дать пять лет дополнительно. Русская народная линия. https://ruskline.ru/news_rl/2017/07/05/yarovoj_hotyat_dat_pyat_let_dopolnitelno/

29. Хамраев, В. (2016, 10 апреля). Конституцию хотят защитить от антитеррора. Коммерсантъ. https://www.kommersant.ru/doc/2961107

30. Шарафутдинов, Р. (2025, 15 октября). Национальный антитеррористический комитет подвел итоги отчетного периода. Бизнес Online. https://www.business-gazeta.ru/news/677419